

Тьерри МЕЙСАН
**Преступления глубинного
государства**
От 11 сентября до Дональда Трампа

Политика (АСТ)

Тьерри Мейсан

**Преступления глубинного
государства. От 11 сентября
до Дональда Трампа**

«АСТ»

2017

УДК 327(73)
ББК 66.4(0)

Мейсан Т.

Преступления глубинного государства. От 11 сентября до Дональда Трампа / Т. Мейсан — «АСТ», 2017 — (Политика (АСТ))

ISBN 978-5-17-104734-4

Книга известного французского журналиста и политолога Тьерри Мейсана посвящена исследованию феномена "арабской весны". Так называют цепочку "цветных революций", всколыхнувших арабский мир и приведших к смене ряда правительств. Будучи сторонником теории существования в США "глубинного государства", то есть скоординированной группы государственных служащих, влияющих на государственную политику без оглядки на демократически избранное руководство, Мейсан прослеживает его роль в ближневосточной политике и интересы, которые оно стремится достигнуть. Теперь теракт 11 сентября предстает в ином свете, являясь точкой отсчета последующих событий. Вместе с тем показана определяющая роль в арабской весне некоторых европейских государств, таких как Англия и Франция. Участие этих государств в организации сценария на Ближнем Востоке рассмотрено на разных уровнях – от финансовой поддержки террористических организаций до создания подконтрольного медиапространства.

УДК 327(73)
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-17-104734-4

© Мейсан Т., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. «Арабские весны». Взгляд из Парижа	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тьерри Мейсан
Преступления глубинного государства.
От 11 сентября до Дональда Трампа

© Thierry Meyssan, 2017

© Предисловие. М. Леонтьев, 2017

© Перевод. Д. Савосин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Предисловие

В одном из разговоров с Мейсаном в ответ на реплику: «Ты так думаешь?» Тьерри очень спокойно ответил: «Я не думаю! Я знаю...» Мейсана многие считают конспирологом, а на самом деле он никакой не конспиролог. Он действительно очень много знает, причем того, что в отношении Ближнего Востока, который является главным объектом его живого интереса, не знает, пожалуй, никто. В этом его сила, и в этом его слабость. Все знать невозможно, и в отличие от людей, обладающими значительно меньшей степенью информированности, Мейсан допускает множество ошибок, но при этом всегда их легко признает. Проблемы Мейсана в том, что он предельно честен, до наивности. И честно, откровенно ангажирован.

Он ангажирован правдой, так, как он себе ее представляет. Иначе невозможно представить себе, как бы он мог существовать в заданных его оппонентами условиях. Условия, заданные ими, таковы, что более или менее безопасно Мейсан может существовать в очень ограниченном перечне государств, которые по тем или иным обстоятельствам, с той или иной вероятностью не готовы прислуживать его оппонентам. И кстати, такая оценка Мейсана его оппонентов является лучшим критерием качества написанных им текстов.

Читать Т.Мейсана не только интересно, но и очень полезно, поскольку он переворачивает мозг, и вернуть его в исходное состояние также требует некоторых усилий. Это упражнение само по себе дорогого стоит.

Михаил Леонтьев

Часть первая. «Арабские весны». Взгляд из Парижа

Внешняя политика Франции, некогда определявшаяся жесткой стратегией Шарля де Голля, теперь последовательно сменяется поиском некоторыми политиками легких денег. Посопротивлявшись американскому империализму, Жак Ширак отказался от борьбы и впутал личные дела в государственные. Николя Саркози обслуживал интересы США, мимоходом выторговывая все, что можно, для себя самого. Еще дальше пошел Франсуа Олланд, заставивший Республику служить личной выгоде нескольких людей, образующих новую партию колонизации. Франция, пребывающая в постоянном поиске, где бы отхватить побольше денег, прислуживала и Турции, и Катару, и Саудовской Аравии.

Жак Ширак – «араб»

Жак Ширак относился к Хафезу аль-Асаду с подчеркнутым уважением. Он видел в нем выдающегося деятеля с собственным представлением о своей стране и проблемах региона.

Франция боролась против него в нескольких эпизодах гражданской войны в Ливане. Она публично возлагала на него ответственность за убийство своего посла в Бейруте Луи Деламара (1981), немедленным ответом на которое было нападение по приказу Франсуа Миттерана на Национальное бюро призывников в Дамаске, когда погибло 175 человек.

Хафез аль-Асад пришел к власти после поражения Сирии в войне с Израилем в 1967 году; он опирался и на сторонников партии Баас, и на авантюристов, к которым примыкал и его брат Рифат, постоянный партнер Франсуа Миттерана по игре в гольф и друг будущего короля Саудовской Аравии Абдаллы. В 1982 году, когда Рифат жил то во Франции, то в Сирии, он организовал покушение на парижской улице Марбеф на журнал «Аль-Ватан аль-Араби», резко критиковавший его. Его дружба с президентом Миттераном заставила полицию прекратить расследование. В преступлении вместо него обвинили его страну, и Франция выслала двух сирийских дипломатов, в том числе начальника Разведбюро Мишеля Кассуа. В конечном итоге дело не повлияло на отношения двух стран.

Жак Ширак был единственным главой государства, приехавшим на похороны Хафеза аль-Асада (2000). Когда вся страна была охвачена оппозиционными настроениями, Франция, поставившая на вице-президента Абделя Халима Хаддама как на следующего главу государства, узнала, что партия Баас указала на Башара аль-Асада как на преемника своего отца.

Принимая роль наставника, Жак Ширак – прозванный «арабом» за его признанный авторитет среди лидеров региона – пытался вывести Башара на международную арену. Но молодой человек не хотел, чтобы ему диктовали, как себя вести и как действовать. Ширак старался выторговать у новоявленного президента возможность для Франции эксплуатировать несколько нефтяных месторождений в Сирии. Как раз в тот момент, когда начались торги, выяснилось, что компания «Тоталь» (*французская нефтегазовая компания, четвертая по объему добычи в мире.* – Прим. ред.) вообще не была до них допущена. При этом проект «Тоталь» был поддержан сирийскими чиновниками высшего ранга, в том числе экономическим советником президента Нибрасом эль-Фаделем, который, как тут же выяснилось, вел двойную игру, проводя переговоры и с «Тоталь», и с владельцем сирийско-британской компании «Петрофак» Айманом Асфари. Узнав о такой коррупции, Асад наказал «Тоталь», исключив компанию из официальных торгов, что привело Ширака в ярость.

Подобная неудача поджидала Жака Ширака и в Ливане. Пользуясь авторитетом Франции, он выторговал у своего личного друга, премьер-министра Рафика Харири, право разведки ливанских территориальных вод в поисках возможных нефтяных месторождений. Операцию прикрывали два ответственных лица из Сирийских миротворческих сил – глава

разведки Гази Канаан и вице-президент Абдель Халим Хаддам. Для своих исследований он направил корабль Морского министерства, но президент Ливана Эмиль Лахуд, узнав об этом, вызвал французского посла. Лахуд заявил ему, что страна не несет ответственности за личные договоренности господина Харири, и корабль французского военного флота должен покинуть эти воды.

Ширак в ответ на эти призывы к порядку уклонился от общения с сирийским и ливанским президентами.

Прочитав мою книгу «Чудовищная ложь», Жак Ширак, во время нападения 11 сентября 2001 года выступивший с поддержкой Соединенных Штатов, забеспокоился, что его провели за нос. Он приказал Генеральному управлению внешней безопасности досконально проверить все гипотезы, изложенные в книге. Проанализировав работу множества мобилизованных специалистов и многочисленных посольств, спецслужбы доложили, что хотя они и не вправе отнестись к книге с одобрением, однако все детали, которые «поддаются проверке» (это точная цитата), верны. Ширак, прекрасно знающий Саддама Хусейна, увидел в этом подтверждение, что Франции не следует поддерживать англосаксонские нападения на Ближнем Востоке.

Французский министр иностранных дел Доминик де Вильпен выступил против государственного секретаря США Колина Пауэлла. Он срочно вылетел в Нью-Йорк, забыв на столе в Париже досье, приготовленное для него Управлением внешней безопасности. Не беда – его импровизированное выступление 14 февраля 2003 года сорвало неслыханные аплодисменты членов Совета Безопасности ООН и вызвало гнев Вашингтона. Вильпен воздержался от критики чудовищного обмана Пауэлла – о якобы поддержке президентом Хусейном «Аль-Каиды» в программе создания оружия массового поражения – однако подчеркнул: этой войне никаких оправданий нет.

Президент Джордж У. Буш удостоил саммит G8 в Эвиане своим присутствием лишь на несколько часов. Пока в Соединенных Штатах вовсю шла кампания «French Bashing» («Бей Францию»), советник Пентагона Эдвард Лютвак, вдохновитель государственного переворота 11 сентября, в телепередаче на канале France 2 от 9 декабря публично угрожал президенту Ширазу. Он без обиняков заявил: «Ширазу пора платить Вашингтону по счетам! У Вашингтона длинный счет к Ширазу. И в Вашингтоне, по-видимому, намерены заставить его заплатить! Ширак хотел жрать и потреблять [sic] на дипломатической сцене за счет Вашингтона. И ему, по всей видимости, придется рассчитаться за это».

Запаниковавший Жак Ширак немедленно дал задний ход, пристроившись в хвост всех новейших инициатив США; дошло до того, что он позволил отправленной послом в Грузию Саломе Зурабишвили занять там пост министра иностранных дел во время «революции роз» (декабрь 2003), и участвовал в свержении президента Гаити Жана-Бертрана Аристида, посадив его в тюрьму в Центральноафриканской республике (март 2003).

Следуя тем же курсом, Жак Ширак и его друг миллиардер Рафик Харири составили Резолюцию 1559 (*резолюция принята Советом Безопасности ООН.* – Прим. ред.), требующую отстранить Ливан от участия в миротворческом процессе в Сирии и разоружить все военизированные ливанские формирования, включая «Хезболлу» и палестинские группировки. В отличие от других вооруженных групп, состоявших на службе у феодального правителя или субсидируемых иностранным государством, «Хезболла» – это сеть сопротивления израильскому колониализму, вдохновленная иранской революцией и при этом вооружаемая Сирией. Такая резолюция была неприемлемой – это все равно что сдать Ливан израильской армии. В то же время президент Ширак принял решение бойкотировать своего ливанского коллегу Эмиля Лахуда, не пригласив его на саммит франкофонных стран.

14 февраля Рафик Харири – уже больше не премьер-министр – был убит, предположительно взрывным механизмом, подложенным в грузовичок.

Жак Ширак тут же вылетел в Бейрут, но не для участия в похоронах и даже не для встреч с официальными лицами – нет, чтобы провести целый день с душеприказчиками покойного и подписать частные коммерческие документы. Затем он вернулся в Париж, когда в Ливане в полном разгаре шла «кедровая революция» под незаметным наблюдением людей Джина Шарпа, сербских подстрекателей из Вашингтона.

Поддающийся влиянию Жак Ширак разделял уверенность, что Башар аль-Асад и Эмиль Лахуд вместе спланировали убийство его друга и ближайшего делового партнера Рафика Харири. Он поддержал расследование этого преступления Комиссией ООН вместо ливанского правосудия. Вот откуда многолетние обвинения со стороны ООН, общемировой остракизм, которому подвергли Башара аль-Асада, и арест четырех самых приближенных к президенту Эмилю Лахуду генералов. Международный «Трибунал» был создан под покровительством Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, но без одобрения ливанским парламентом, дабы судить «президентов-убийц».

Навязчивые идеи Жака Ширака не испортили франко-сирийского сотрудничества. С 2003 года и до прекращения дипломатических отношений в 2012-м сирийские спецслужбы информировали своих коллег о молодых французах, желающих уехать в Ирак, или тех, кто уже сражался там против американской оккупации. Если они вдруг оказывались в Сирии, то должны были быть арестованы и без шума депортированы во Францию на военном самолете. Такое сотрудничество позволяло Франции поддерживать общественный порядок и предотвращать многие террористические вылазки на своей территории. Среди джихадистов, экстрадированных из Сирии, – Бубакер Аль-Хаким (будущий убийца тунисского оппозиционного лидера Шокри Белаида) или Сабри Эссид (сводный брат Мохаммеда Мераха, который потом станет одним из палачей ИГИЛ). Однако во время «арабской весны» Франция не только разорвала такое сотрудничество, но и освободила этих подследственных из-за своего союза с «Братьями-мусульманами».

Со 2 сентября 2005 года, после тяжелого инсульта, Жак Ширак фактически прекратил управлять государством. Он лишь для виду сохранил свои обязанности, пока целых два года его правительство работало разделенным на два лагеря – голлистов во главе с премьер-министром Домиником де Вильпеном и атлантистов во главе с министром внутренних дел Николя Саркози.

После нападения Израиля на Ливан летом 2006 года Вильпен выразил поддержку «Хезболле», которую Ширак требовал разоружить. Раз и навсегда утратив мандат, Ширак больше не скрывал своей коррумпированности и поселился в роскошной квартире, подаренной ему семьей Харири для пенсионерской жизни. Саркози при поддержке мадам Ширак сменил его на посту.

Николя Саркози – «американец»

Николя Саркози был избран президентом Французской республики в 2007 году благодаря не своей предвыборной программе, а собственной целеустремленности. Французы увидели в нем того, кто способен вдохнуть жизнь в сонную и заторможенную страну. Однако они не знали, что подростка-Саркози воспитывала третья жена его отца в Нью-Йорке. А ведь Кристина де Ганай позже снова вышла замуж за посла Фрэнка Уизнера-младшего, сына основателя спецслужб ЦРУ/НАТО, сети Стэй-бехайнд Гладио. Вот таким окольным путем Саркози еще тогда был крещен Вашингтоном на пост президента Французской республики.

В отличие от Жака Ширака, который в 2003 году показал себя смелым голлистом, прежде чем превратиться в натурального афериста, Николя Саркози воспринимался Вашингтоном как агент. Его сразу же вовлекли в американские планы.

Еще на посту министра иностранных дел Николя Саркози установил контакты с Абдуллой Сенусси, шефом внутренних ливийских спецслужб и шурином Муаммара Каддафи. Во

Франции тот был заочно осужден за участие в террористической атаке на рейс 772 Союза воздушных перевозок, повлекшей гибель 170 человек в 1989 году, во время войны в Республике Чад. Ливия предложила финансировать предвыборную кампанию Саркози в обмен на обещание амнистии или прекращение дела. Уполномоченный вести переговоры доверенный человек Саркози, Брис Ортефе, обсудил с полковником Каддафи итоговую сумму. Наконец, по словам высокопоставленного ливийского чиновника, контролировавшего сделку, франко-ливанский бизнесмен Зиад Такеддин перевел в Париж 57 миллионов евро.

Следящая за избирательной кампанией Ливия видела, что победить может и кандидат от социалистов – Сегален Руаяль. Тогда Сенусси связался с бывшим министром иностранных дел, социалистом Роланом Дюма, который – по словам того же источника – приехал в Триполи за 25 миллионами евро – суммой, более чем наполовину меньшей, чем была предложена конкуренту Руаяль.

Французский закон запрещает финансирование избирательной кампании иностранными государствами. Да и не может стоимость кампании достигать подобных сумм. Саркози и Руаяль не имели права давать обещание сфабриковать прекращение дела, если только оба не презирают правосудие и его независимость. Но амнистию объявить они могут – правда, сперва поторговав этим обещанием в личных целях. Ролану Дюма это известно тем паче, что сам он был председателем Конституционного совета (1995–2000), обязанного присматривать за ходом выборов. Спустя время французское правосудие будет расследовать проступки Саркози, но не Руаяль.

Деловые связи между людьми Каддафи и людьми Саркози продолжают и после того, как последний въехал в Елисейский дворец. Первой леди (sic) Сесилии Саркози было поручено найти решение в суде над пятью болгарскими медсестрами и палестинским врачом, – они уже восемь лет как находились в тюрьме. В 1999 году более 400 детей заразились ретровирусом СПИДа в больнице города Бенгази. Исламисты обвинили Каддафи в том, что тот, ничуть не заботясь о Бенгази, составил заговор с целью убийства их детей. Местный прокурор предпочел обвинить иностранных санитаров, оправдывая вождя. Стараясь выбить из них признательные показания, он приказал подвергнуть их ужасным пыткам.

Но Болгария, только что вступившая в Европейский союз, ходатайствовала перед Брюссельской комиссией: пусть-де та выторговывает у Триполи освобождение ее граждан. Ливия снова оказалась лицом к лицу с чиновниками, обвинявшими ее в покушении на рейс 103 «ПанАм», взорвавшийся над Локерби (Шотландия) в 1988 году и унесший 270 жизней. Хотя Муаммар Каддафи всегда отрицал свою причастность, Ливия была согласна возместить ущерб семьям жертв в сумме 2,7 миллиарда долларов с условием: это последний спорный момент, разделяющий ее с Западом. Осознавая, что ему следует соответствовать представлениям исламистов, вождь решает использовать эту историю с инфекцией, чтобы возместить то, что с него несправедливо взыскали за Локерби. Теперь он требует возвращения этих денег в обмен на его уход из некоторых африканских государств и на свободу врача и медсестер. В конце концов Соединенные Штаты перечислили сумму Катару, а тот под контролем Евросоюза уступил ее Ливии. Министр юстиции, «брат-мусульманин» Мустафа Абдель Джалиль, оправдывавший пытки в бытность председателем апелляционного суда в Триполи, также был знаком с эмиссарами президента Саркози. По словам того же высокопоставленного ливийского чиновника, Сесилия Саркози получила вознаграждение, сопоставимое с ливийским (2,7 миллиона долларов). Это был подарок от Николя Саркози, который вот-вот должен был с ней развестись. С новым мужем она смогла открыть Бюро общественных связей в Катаре. Болгария же радовалась освобождению своих подданных, хмурия брови от того, каким способом было достигнуто согласие.

Ставший теперь выездным Каддафи отправился в европейское турне и провел 5 дней во Франции. Он со скандалом раскинул свой шатер прямо в садах отеля «Маринье», рези-

денции государственных гостей. А главное – заявил телеканалу France 24, что Ливия демократичнее Франции. Эта провокация не столь безрассудна, как могут подумать все ее слышавшие. Да это можно проследить и по всей этой истории: Франция действительно больше не является демократией в том смысле, что ни народ, ни его представителей не спрашивают при принятии целого ряда решений, особенно касающихся международной политики и безопасности. Зато во время президентства Жака Ширака и до конца его мандата это была Республика, ибо власть принимала решения, исходя из представлений о главных интересах.

Вскоре мы увидим, как недолго это будет казаться правдой. Ливия же – прямая демократия, основанная на идеях французских утопистов XIX века. Но и эта система – тоже обман. В действительности ливийское общество основано на племенных отношениях, и личное мнение там почти ничего не значит. Именно такая социальная реальность и позволяет Каддафи исполнять должность главы государства даже при том, что официально ее не существует. Между двумя странами очень большая разница: Ливия по условиям торга с Соединенными Штатами прекратила всякое вмешательство в дела соседей, а вот Франция с легкостью растоптала Хартию Объединенных наций, особенно в Африке, а вскоре и в Леванте. Главное же – Каддафи провозгласил эмансипацию каждого человека и покончил с рабством, тогда как Франция – на территории которой его не существовало еще с 1848 года – без зазрения совести вступала в союзнические отношения с такими рабовладельческими странами, как Саудовская Аравия или Катар.

Первым деянием президента Саркози против Ливии была организация в марте 2008 года побега главного лже-свидетеля по делу Харири, Мохаммеда Зухейра ас-Сиддиа, которому он выдал фальшивый чешский паспорт. Вот так обвинение в убийстве, брошенное Эмилю Лахуду и Башару аль-Асаду, рассыпалось в прах, а загадка организатора этого маскарада жива и по сей день. Саркози же, словно ничего и не произошло, отправился с официальным визитом в Дамаск – оживить связи между двумя странами и убедиться, что Сирия больше не станет вмешиваться в ливанскую политическую жизнь.

В мае ливанский премьер-министр – и агент иорданских спецслужб – Фуад Синиора начал конфликт с «Хезболлой»: он попытался перекрыть воздушное сообщение между Ираном и Соппротивлением и средства их внутренней связи, чтобы Соединенные Штаты и Саудовская Аравия смогли установить контроль над страной и напасть на Сирию. Но «Хезболла» перешла в наступление. За несколько часов система безопасности Синиоры разрушилась, и ему пришлось сражаться, отступая. В Дохе начались переговоры о мире. Катар и Франция продавили кандидатуру нового президента Ливана, который уже шесть месяцев – с тех пор как истек срок мандата Эмиля Лахуда – жил без главы государства. Париж сделал ставку на шефа генерального штаба, генерала Мишеля Сулеймана: им очень легко манипулировать. Этот последний в действительности имел фальшивые документы – свои и на всю семью, стремясь получить для всех двойное французское гражданство. Его вступление в должность президента Ливана подвесило над его головой дамоклов меч – дело до сих пор находится в судопроизводстве (*по поддельным паспортам Сулейман с семьей пытался пересечь границу Франции.* – Прим. ред.). Встревоженный возможной сирийской реакцией, Катар преподнес в дар президенту Асаду, ни о чем таком и не просившему, самолет и автомобили для официальных поездок.

Катарский эмир Хамад бен Халифа Аль Тхани приехал «посвятить в президенты» Сулеймана вместо его предшественника Эмиля Лахуда, даже не приглашенного на церемонию. На торжественном вступлении в должность в Национальной ассамблее Ливана французский министр иностранных дел Бернар Кушнер восседал не на скамейках для публики, а вместе с ливанским правительством. Он был явно раздражен, когда бывший председатель ассамблеи заметил, что статья 49 Конституции запрещает главе Генерального штаба, пост которого занимал Сулейман, становиться президентом, если не прошло двух лет после его

увольнения из армии. Однако времени менять текст не было, и депутаты нарушили конституцию, выбрав Мишеля Сулеймана.

В июле 2008 года Николя Саркози попытался создать Союз средиземноморских стран: грандиозная затея была нацелена одновременно и на конкуренцию с европейскими партнерами, и на то, чтобы снова включить Израиль в хор наций региона. Он пригласил на торжества в честь 14 июля на Елисейских полях и Башара аль-Асада, и его израильского коллегу Шимона Переса. Оба тщательно избегали встречи друг с другом. Но, пользуясь случаем, Ливан и Сирия установили дипломатические отношения, которых не имели еще с отделения от французов в 40-х годах.

Союз средиземноморских стран (UPM) потерпел фиаско по тем же причинам, что и Барселонский процесс, запущенный Европейским союзом в 1995 году: всех участников региона объединить невозможно – этого не позволяет сделать израильский конфликт.

В январе 2009-го Саркози совершил второй государственный визит в Сирию. Наставляемый администрацией Обамы, французский президент воздержался от принятия в этой поездке каких бы то ни было официальных решений. Это был визит-выведывание.

Подготовка к вторжению в Ливию и Сирию

Еще до утверждения в Сенате будущий госсекретарь Хиллари Клинтон предложила Лондону и Парижу провести совместную военную операцию на «освобожденном Ближнем Востоке». После иракского фиаско Вашингтон понимал, что использовать для подобных авантюр собственные войска нельзя. С американской точки зрения пришло время перебалансировать регион, то есть перечертить те государственные границы, которые были зафиксированы в 1916 году тремя империями – английской, французской и русской (странами Антанты), проложив линии, которые отвечали бы интересам США. Это соглашение известно по именам британского и французского политиков Сайкса и Пико (имя русского посла Сазонова после революции в России было забыто). Но как убедить Лондон и Париж разрушить их же собственное наследие, если не пообещать позволить им снова превратить регион в свои колонии? Отсюда и теория «руководства издалека». Эту стратегию подтвердил и бывший министр иностранных дел в правительстве Миттерана Ролан Дюма: в 2009 году, выступая по телевидению, заявил о контактах британцев с американцами с целью узнать, поддержит ли французская оппозиция новый колониальный проект.

В ноябре 2010 года, то есть перед началом предполагавшейся «арабской весны», Дэвид Кэмерон и Николя Саркози подписывали Договор в Ланкастер-Хаусе, в Лондоне. Официально речь шла об объединении усилий в целях безопасности, в том числе и ядерной, и привлечении для этого возможностей крупных экономик. Учитывая разные интересы обеих стран, это была глупая идея, однако общественное мнение не уловило здесь интриги. Один из договоров объединял «силы внешнего применения» (читай: колониальные) обеих наций.

В приложении к этим договорам указывалось, что с 15 по 25 марта 2011 года франко-британские экспедиционные силы проведут самые масштабные совместные маневры за всю историю двух стран под названием «Южный мистраль». Сайт министерства безопасности уточнил, что отрабатываемым сценарием учений должна стать бомбардировка очень большой дальности в целях помочь народам, страдающим под игом «двух диктаторов Средиземноморья».

Но именно 21 марта AfriCom и US CentCom – региональные отделения американских вооруженных сил – выбрали днем, когда Франция и Соединенное Королевство нападут на Ливию и на Сирию. Это пришлось кстати, и франко-британские силы были готовы. Поскольку планы редко сбываются в точности, война с Сирией начнется немного позже, и Николя Саркози, пожелавший нанести первый удар, уже 19 марта приказал своим вой-

скам напасть только на Ливию в рамках операции «Харматтан» (по-французски «Южный мистраль»).

Франция думала, что у нее на руках козырной туз: шеф ливийского протокольного отдела Нурит Массуд Эль-месмари оказался изменником и попросил убежища в Париже. Саркози уверен: этот человек – доверенное лицо Каддафи и может назвать ему тех, кто готов предать. К несчастью, этот краснбай лишь вел ежедневник мероприятий вождя, не присутствуя на заседаниях.

Через несколько дней после подписания договоров в Ланкастер-Хаусе на ярмарку в Бенгази прибыла коммерческая французская делегация вместе с чиновниками из министерства сельского хозяйства, управляющими французской экспортной злаковой компании и «Франс Агример» с менеджерами «Суффле», Луи Дрейфуса, Гленкора, Кани Сереаль, Каржилл и Конагра. Прибывшие вместе с ними агенты министерства безопасности тайно встретились в Бенгази с военными, чтобы организовать государственный переворот.

Предупрежденный Соединенными Штатами, Триполи 22 января 2011 года арестовал изменников. Ливийцы вообразили, что новый союз с Вашингтоном надежно защитит их; тогда как им уже была уготована смерть. Что до французов, тем оставалось лишь отступить в тень Большого брата – США.

Пока французы занимались подготовкой вторжения в Ливию, американцы начали операцию. Она была гораздо масштабнее, чем они говорили своему агенту Саркози. Речь шла не только о свержении Муаммара эль-Каддафи и Башара аль-Асада, как его убеждали, но всех светских правительств, которых собирались заменить на «братьев-мусульман». И начинали с дружественных государств (Туниса и Египта), предоставив британцам и французам заниматься враждебными (Сирией и Ливией).

Первый удар был нанесен по Тунису. В ответ на попытку самоубийства, предпринятую 17 декабря 2010 года уличным торговцем Мохамедом эль-Бузази, по стране прокатилась волна демонстраций против полицейского произвола, а потом и против правительства. Франция, поверившая в стихийность этих выступлений, предложила экипировать тунисскую полицию спецсредствами для подавления мятежа.

Николя Саркози и его министр внутренних дел Мишель Алльо-Мари доверяли Бен Али (*президенту Туниса*. – Прим. ред.) как человеку, с которым можно вести «личные дела». Построив и оснастив аэробус А330 как суперпрезидентский самолет, они перепродали два старых летательных аппарата, предназначавшихся для официальных визитов. Один – А319СJ – был потихоньку удален из реестра, и его уступили тунисской компании «Картаго Эйрлайнс», принадлежащей Азизу Миледу и Бельхасану Трабелси (брату жены Бен Али). Никому не известно, кто оказался счастливым бенефициаром этой сделки. После бегства Бен Али самолет будет возвращен и продан игровой компании в Сингапуре, а потом в Турцию.

Всецело занятые протезированием своего скупщика краденого, Николя Саркози и Мишель Алльо-Мари пришли в полнейшее изумление, когда президент Бен Али запросил в Париже приземления и политического убежища. Елисейскому дворцу едва хватило времени, чтобы отменить отправку грузового самолета со средствами для поддержки обещанного порядка, терпеливо ждавшего на выезде из ангара, пока уладятся все долгие формальности с таможней, и выпроводить машину свергнутого президента из своего воздушного пространства.

В это время в Египте специалист по информатике, инженер Ахмед Махер и исламистская блогерша Исраа Абдель Фаттах призвали 25 января 2011 года выступить против президента Хосни Мубарака, устроив «день гнева». Сразу же поддержанные катарским телевидением «Аль-Джазира» и «Братьями-мусульманами», они начали движение, которое с помощью неправительственных организаций и ЦРУ дестабилизировало весь регион. Начиная с 28 января каждую пятницу на выходе из мечетей собирались манифестации, возглав-

ляемые сербами, воспитанными духовным отцом «цветных революций» – Джином Шарпом. Наконец, 11 февраля Николя Саркози из телефонного разговора со своим отчимом, послом США Фрэнком Уизнером-младшим, узнал, что по указке Белого дома тот убедил генерала Мубарака уйти в отставку.

Тогда США собрали в Каире тайное совещание, на которое президент Саркози послал делегацию, включающую лоббиста Бернара Анри-Леви – бывшего любовника Карлы Бруни. Махмуд Джабрил, «брат-мусульманин», пришедший на совещание как второй человек в ливийском правительстве, обратно вышел уже лидером «оппозиции тирану». Среди присутствовавших там сирийцев были также Малик Аль-Абдех (работавший на Би-Би-Си и создавший Барада-ТВ на деньги ЦРУ и государственного отдела) и Аммар Кураби (состоящий во множестве ассоциаций по защите прав человека, создатель «Восток-ТВ»).

Так начались войны в Сирии и Ливии.

Начало войны с Ливией

По уверениям западной прессы, 16 февраля 2011 года ливийская полиция разогнала манифестацию в городе Бенгази, стреляя в толпу. С тех пор якобы страна восстала, а власть начала палить во все, что ни шелохнется. Предчувствуя возможное возвращение рабства, 200 000 рабочих мигрантов бежали из страны, и телеканалы показывали их, ожидающих перехода границы. По телевидению трижды выступал Муаммар Каддафи. Он разоблачал операцию, как организованную «Аль-Каидой», и заявлял, что готов к мученической смерти. Затем объявил о раздаче населению оружия, чтобы пролить «реки крови», уничтожить этих «крыс» и обезопасить страну. Эти фразы вождя, вырванные из контекста, всюду тиражируются западными телеканалами, интерпретирующими их не как призыв к борьбе с терроризмом, а как начало репрессий против предполагаемой революции.

25 февраля в Женеве Совет ООН по правам человека с ужасом выслушал свидетельства ливийской правозащитной Лиги. Диктатор обезумел и «уничтожает собственный народ». Посол Пакистана начал гневно клеймить непропорциональное применение силы. Вдруг в зал вошла официальная ливийская делегация, подтвердила выслушанные свидетельства и заявила о своей солидарности с согражданами в их борьбе с диктатором. Резолюция была принята и передана Совету Безопасности. Тот сразу же проголосовал за принятие резолюции 1970 – на основании главы VII Хартии, регулирующей применение силы, – по странности, подготовленной уже несколько дней назад. Она содержала обращение к Международному уголовному суду и вводила против Ливии эмбарго. Эта мера наказания немедленно была подтверждена и расширена Европейским союзом. Но всех европейских лидеров перещеголял президент Саркози, заявивший: «Каддафи должен уйти!»

27 февраля повстанцы в Бенгази учредили Ливийский Национальный переходный совет. И в это же самое время уехавший из Триполи министр юстиции Мустафа Абдель Джалиль провозгласил временное правительство. Обе эти инстанции объединились: кажется, национальное единство было достигнуто. Тут же над Бенгази взвились знамена бывшего короля Идриса. Его сын С.А. Мохамед Сенусси просигналил из Лондона о своей готовности править страной.

Поскольку Абделю Джалилю не удалось убедить всех членов переходного совета воззвать о помощи к Западу, он приказал учредить Комитет по преодолению кризиса, располагающий абсолютной властью и возглавляемый вторым человеком в правительстве Каддафи – Махмудом Джабрилом, вернувшимся из Каира.

В Париже были восхищены тем, какой ловкий способ избран Вашингтоном, чтобы управлять событиями. Но аккредитованные в Триполи дипломаты и журналисты, противореча информации из Бенгази и Объединенных Наций, утверждали, что не видели никакой революции. Однако истина не имела значения, если предпочтительнее верить в видимость.

Так «философ» Бернар-Анри Леви убедил французов в правоте аргументов, утверждая, будто лично уговорил президента Республики встать на защиту свободы после встречи с ливийскими «революционерами».

Прибывшие за Махмудом Джабрилом французские войска препроводили его в Страсбург, и он в Европарламенте призвал к «гуманитарной» операции западных сил. 10 марта Николя Саркози и британский премьер-министр Дэвид Кэмерон письменно потребовали от председателя Европейского союза признать законным органом власти вместо действующего режима Переходный Совет и установить бесполетную аэрозону. И еще один превосходный сговор – французский депутат от «зеленых» Даниэль Кон-Бендит (агент влияния майских событий 1968 года) и бельгийский либерал Ги Верхофстадт в тот же день продавили в Европарламенте резолюцию, осуждающую «режим» Каддафи и призывающую установить контроль над бесполетной зоной в Ливии для защиты гражданского населения от репрессий диктатора. В тот же самый день генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен объявил о начале необходимых технических работ, чтобы обеспечить такую зону.

12 марта Лига арабских государств проголосовала за ее введение, несмотря на протесты Алжира и Сирии.

Правда, в этом согласном хоре есть и фальшивые ноты: Болгария, не забывшая, что Абдель Джалиль скрывал пытки, которым подверглись болгарские медсестры и палестинский врач, отказалась признавать Переходный Совет. С другой стороны, Африканский союз был горячо против любого военного иностранного вмешательства.

Ливийская арабская Джамахирия была организована по принципам, изложенным Муаммаром Каддафи в его «Зеленой книге». Он – большой поклонник французских социалистов XIX века Шарля Фурье и Пьера-Жозефа Прудона. Он придумал маленькое государство, увы, оказавшееся неспособным защитить собственный народ от империалистических войск. Он заставил государство принять такие требования бедуинов, как бесплатные транспорт, жилье и вода. То есть у каждого в Ливии есть машина, а транспорт для коллективных перевозок де-факто остается для иммигрантов. Всякий вступающий в брак ливиец получает квартиру; но иногда женитьбы приходится ждать три года – пока не построят дом. Здесь были успешно проведены гигантские работы по выведению на поверхность тысячелетних грунтовых вод, залегающих очень глубоко под пустыней. Страна стала процветающей, а уровень жизни – самым высоким на всем Африканском континенте. Но в области образования достижений почти нет. Хотя университеты стали бесплатными, но большинство молодых людей бросало учебу. Муаммар Каддафи недооценил силу племенных традиций. Три миллиона ливийцев вели беспечное существование, а два миллиона приезжих африканцев и азиатов им прислуживали.

19 марта 18 стран (Германия, Бельгия, Канада, Дания, Арабские эмираты, Испания, Соединенные Штаты, Франция, Греция, Италия, Ирак, Иордания, Марокко, Норвегия, Нидерланды, Польша, Катар и Соединенное Королевство) и 3 международные организации (Лига арабских государств, Европейский союз и ООН) собрались в Париже, чтобы заявить о неотвратимости военной операции. Через несколько дней Франция опередила партнеров и напала первой.

В Сирии все наоборот – ничего определенного не было заметно. Призывы к антиправительственным выступлениям 4, 11, 18 и 25 февраля и 4 и 11 марта в Дамаске не дали результата. Зато народ вышел на улицы в Йемене и Бахрейне, хотя там его никто к этому не призывал.

В Йемене революцию начали «Братья-мусульмане» – среди них была молодая Тавакуль Карман, которой предстояло позже получить Нобелевскую премию мира. Но эта страна, как и Ливия, построена на принципах племенных отношений – так что невозможно трактовать происходящее там в одной только политической плоскости.

По требованию короля Бахрейна саудовская армия вошла «восстановить правопорядок» в крошечном королевстве, где находилась V Флотилия Соединенных Штатов. Соединенное Королевство командировало туда прославившегося пытками палача Иана Андерсона, который проявил редкостную дееспособность, когда в колониальную эпоху руководил репрессиями (то есть до 1971 года). Тогда же Франция направила туда для реорганизации полицейских органов Алена Бауэра, советника президента Саркози по безопасности и одновременно бывшего европейского шефа АНБ (американского Агентства национальной безопасности) и бывшего гроссмейстера масонской ложи «Великий Восток».

Хаос начал расползаться как инфекция – оставалось лишь заставить поверить, что это сами народы выступают за демократию в своих странах.

Начало войны в Сирии

Каждый свой репортаж из Туниса, Ливии и Египта «Аль-Джазира» завершала вопросом: «Когда же хаос перекинется на Сирию?» И вот наступила пятница 18 марта 2011 года, и операция началась: в Дераа была разогнана манифестация, и четверо человек убитых. Несколько дней протестное движение нарастало, и город был взят под контроль военными. В результате столкновений между военными и жителями – более ста убитых и разграбленные центральные кварталы.

По сообщениям «Аль-Джазиры», полиция арестовывала детей, которые писали на стенах городских домов антиправительственные лозунги, и якобы пытала их, вырывая ногти.

Город Хомс, в свою очередь, также стал ареной широкого выступления, которое тоже было разогнано. И этот город войска тоже взяли под контроль.

10 мая Германия, Франция, Нидерланды, Соединенное Королевство и Швеция продавили санкции Евросоюза: запрет на ввоз полицейских спецсредств и именные санкции против тринадцати официальных лиц, включая Махера аль-Асада (командующего республиканской армией и младшего брата президента Сирии).

25 мая Германия, Франция, Португалия и Соединенное Королевство пытались протолкнуть в Совете Безопасности резолюцию, ставящую Сирию в то же положение, в каком находилась Ливия. Но затея не удалась. Южная Африка, Бразилия, народный Китай, Индия и Российская Федерация выступили против того, чтобы международное сообщество диктовало Сирийской арабской республике, как ей себя вести.

Именно тогда «БарадаТВ» распространила кадры, на которых с тринадцатилетнего мальчика Хамзы Али Аль-Хатеба живьем сдирают кожу. Его якобы пытали и кастрировали спецслужбы военно-воздушных сил. По словам «Аль-Джазиры», режим Асада пытал и убивает детей.

31 мая и 16 июля Франция, Катар и Турция созвали две конференции политической оппозиции; первую – в Анталии, вторую в Стамбуле. Эта последняя получила название «Конференции национального спасения» – с аллюзией на «Фронт национального спасения», в 2007 году созданный «Братьями-мусульманами».

И как раз на стамбульской конференции в сентябре и начал работу Национальный сирийский совет по модели Переходного ливийского национального совета, который западные страны представили как вероятную альтернативу Ливийской Джамахирии. Обе эти организации, и ливийская, и сирийская, были составлены Францией из людей, которых в предшествующие годы уже подобрало ЦРУ. Члены сирийской организации, как и ливийской, сразу же получили вознаграждение. Большинство из них – «братья-мусульмане», но они почти никогда не заседали с такими бейджами, поскольку и тот, и другой советы выдавались за светские организации. Сирийский возглавил Бурхан Галиюн, профессор социологии парижского университета Пантеон-Сорбонна и сотрудник американского фонда «Национальный вклад в демократию». Пресса предпочитала не разглашать того, что этот «великий светский

политик», проживая в изгнании в Катаре, работал советником Аббасси Мадани – президента алжирского Фронта исламского спасения (*исламистская партия, иногда называемая террористической*. – Прим. ред.).

7 июня France 24, подчиняющееся министерству иностранных дел, пустил в прямом эфире потрясающее телефонное заявление Ламии Шаккур, работавшей послом Сирии во Франции. Она объявила о своей отставке в знак протеста против «резни, которую устроили в ее стране». Хотя заместительница директора редакции France 24 Рене Каплан и клялась, что безошибочно узнала этот голос и он действительно принадлежит послу Сирии, на самом деле это была супруга журналиста Фада Аль-Арга-Аль-Масри – она говорила все это, сидя в соседней студии того же канала. Французский министр иностранных дел, связавшийся с France 24, уже объявил сирийским послам во всем мире об «отставке в прямом эфире», объявленной их коллегой Ламией Шаккур, и потребовал поступить так же, угрожая слушникам Международным уголовным трибуналом. Настоящая Ламия – сирийский посол – незамедлительно запротестовала и потребовала от Франс 24 опровержения. Разумеется, получила отказ. Но ей предоставил эфирное время канал БФМ ТВ – и тогда дезинформация была разоблачена. При этом давлению не поддался ни один сирийский посол. Высший французский совет по аудиовизуальным средствам, представленный тремя президентами – Республики, Национальной Ассамблеи и Сената – так и не приступил к расследованию этого инцидента.

4 июля Бернар-Анри Леви организовал в кинотеатре в Сен-Жермен-де-Пре собрание в поддержку демократической оппозиции Сирии и призвал к свержению тирана Башара аль-Асада. Возглавил собрание он сам вместе с бывшим министром иностранных дел в правительстве Саркози, Бернаром Кушнером, и его будущим коллегой в правительстве Олланда – Лораном Фабиусом. Все трое предложили правящему классу поддержать их инициативу. Депутаты от правых, левых и «зеленых» охотно поставили свои подписи. Никто не заметил сидящих в зале израильских лидеров и «братьев-мусульман». Все подписавшие прошение полагали, что сделали хорошее дело, и никто не подумал о последствиях того, что они только что подписали.

8 июля послы Соединенных Штатов и Франции в Дамаске, Роберт Форд и Эрик Шевалье, присутствовали на манифестации в Хаме. Сирийское правительство вызвало дипломатов, обвинив их в поддержке оппозиции и распространении хаоса. Сторонники Республики вышли на митинги перед американским и французским посольствами. Роберт Форд иронически обвинил «баасистов» в нападении на его представительство, тогда как в Хаме оппозиция не применяла никакого насилия. Госсекретарь Хиллари Клинтон утверждала: Асад «нелегитимен». Совет Безопасности в президентской декларации осудил нападение на посольства.

29 июля полковник Риад эль-Ассад заявил о своей измене и создал Свободную сирийскую армию (ССА). Он призывал военных перейти на его сторону и заставить «режим» пасть. Операцию провело Генеральное управление внешней безопасности. Полковник аль-Ассад был выбран из-за омонимичности имени с президентом Башаром аль-Асадом¹. Но это в латинском алфавите они пишутся одинаково или почти одинаково, а в арабском по-разному. ССА оснащается «знаменем независимости». На самом деле это знамя французской колонизации, которое действовало на момент обретения независимости. Оно четырех цветов, объединяющих всех арабов: красный – цвет Магомета, черный – Аббасидов, зеленый – Фатимидов, и белый – Омейядов. Три звезды символизируют правительство Дамаска, Алеппо и территории Нозаирис (то есть алавитов). Сирийцы прекрасно знают это знамя – оно часто мелькало в популярном телесериале «Баб эль-Хара», истории одной деревни времен фран-

¹ Имя также можно писать, как в некоторых газетах: «аль-Асаад».

цузской оккупации. Там кабинет зловещего полицейского комиссара украшает такое знамя – с одной стороны, это флаг оккупантов-французов, с другой – будущий штандарт США.

«Демократизация» Ближнего Востока росла и ширилась. По крайней мере, так это выглядело. Франция, утратившая всякое понимание происходящего, – «родина прав человека», уже севшая в лужу в Тунисе, – считала своей неоспоримой обязанностью поучаствовать в этом движении.

Общее в операциях в Ливии и в Сирии

То, что США получило флаг французской миссии и Национального переходного совета Ливии, то есть знамя короля Идриса, свидетельствовало о перераспределении ролей. Ливию решили вернуть под английское влияние, а Сирию – под французское.

Сперва западная пропаганда начала активно работать во Франции. 5 июля 2011 года France 24, канал французского министерства иностранных дел, получил полномочия от Национального переходного совета Ливии в его отсутствие принимать решения по собственной инициативе. Соглашение было подписано с большой помпой между Аленом Дюплесси де Пузиньяком, занимающим должность генерального директора внешнего вещания Франции, и Махмудом Шаммамом – министром информации Национального переходного совета Ливии. Союзы французских журналистов выразили протест против такого официального междусобойчика в полнейшее нарушение профессиональной этики. Однако в октябре соглашение было распространено – в обстановке поскромнее – и на Национальный сирийский совет.

В конце марта 2011 года разгорелась полемика между турецким премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом и французским министром внутренних дел Клодом Геаном, сравнившим войну в Ливии с «крестовым походом». Это позволило министру иностранных дел Франции Алену Жюппе добиться сближения со своим турецким коллегой Ахметом Давутоглу.

Традиция связей Франции и Османской империи существует со времен Франциска I. Еще в XVI веке Париж, раздираемый религиозным расколом, дал себя обольстить «дарами» мусульманского владыки Сулеймана Великолепного. Франциск I, король такой, что продажней некуда, согласился на союз со своим «отцом» против Священной Римской империи Габсбургов. В своих посланиях Сулейман унижал его, называя своим «французским вали» (наместником). Османские войска высадились на юге Франции, и чтобы встретить их достойно, Франциск I временно переделал Тулонский кафедральный собор в мечеть.

Договор Жюппе – Давутоглу остается секретным, при том что французское право запретило тайную дипломатию еще со времен окончания Первой мировой войны. Он никогда не был ратифицирован парламентом и не имеет юридической силы.

Николя Саркози и Ален Жюппе не могли предать этот документ огласке без риска быть отстраненными от должностей: первый – Верховным судом, а второй – республиканским правосудием. На самом деле соглашение предусматривало участие Турции в войне, только что развязанной в Ливии, и в той, что еще не началась в Сирии. Турция обязалась призвать жителей Мисраты – в большинстве потомков еврейских солдат Османской империи, – адгамов и кочевых торговцев чернокожими рабами, Мунтазирова, поддержавших «младотурков» – помочь западной коалиции свергнуть Ливийскую арабскую Джамахирию. Еще она могла мобилизовать туркменские народы, живущие на севере Сирии, чтобы покончить с Сирийской арабской республикой. Взамен Франция брала обязательство поддержать стремление Анкары войти в Евросоюз, хотя президент Саркози в своей предвыборной кампании обещал французам совершенно противоположное. Но главное – обе страны могли урегулировать курдскую проблему, не нанося ущерба территориальной целостности Турции. Иными словами, в Сирии должно быть создано независимое государство, которое назовут Курди-

станом, а после туда выселят часть турецких курдов. Этот проект был поистине безрассуден, поскольку исторический Курдистан находится исключительно в Турции. Речь шла ни больше ни меньше как о завоевании Ливии и Сирии и этнической чистке в Турции.

В качестве напоминания: Ален Жюппе никогда не отказывался от поддержки творцов геноцида, если это, по его мнению, могло быть полезным. В июне 1994 он вместе с Франсуа Миттераном организовал операцию «Бирюза» во время резни в Руанде. Речь, конечно, шла о создании «надежной гуманитарной зоны» для народов, находившихся в опасности, но еще – и главное – под этим прикрытием и без ведома войск Генеральное управление внешней безопасности использовалось для переброски на родину их друзей – тайных агентов.

Соединяя приятное с полезным, правительство Эрдогана от имени Турции предложило «дар» Алену Жюппе.

Одновременно с соглашением с Турцией, Ален Жюппе доверил сенатору-голлисту Адриену Гутейрону миссию, касающуюся положения христианских общин на Востоке. Он долго осматривал общины Ближнего Востока, за исключением сирийских, и без удивления заключил: нужно помочь христианам остаться на своих землях, а в том случае, если они эмигрируют во Францию, ей следует их принять. Без его ведома парламентарий промостил дорогу для перемещения маронитов.

Саркози, пока действовали его президентские полномочия, часто оглядывался на интересы Катара. Эмир – вот кто успешней всех управляет мировыми денежными потоками. Он старается завоевать полновластное положение покупкой людей и их должностей. Еще он успешно способствовал заключению мира в Судане и привел к власти «неконституционного» президента в Ливане. С учетом данного им президенту обещания оставлять полученные ценные подарки государству, эмир предложил чете Саркози всевозможные личные привилегии вроде роскошного отпуска или постоянного пользования одним из его личных самолетов. Николя Саркози отдал распоряжение изменить франко-катарский фискальный договор таким образом, чтобы освобождение от налогов, которым пользуется посольство, распространилось и на все инвестиции эмира и его семейства. За несколько лет семья Аль-Тхани купила недвижимость на 5 миллиардов евро. Они приобрели большие отели и казино, получили свою долю в капитале престижных компаний, таких как «Тоталь», Европейская компания авиационно-космической промышленности или Арева. Они приобрели футбольный клуб «Пари-Сен-Жермен» и создали спортивные телеканалы. Заинтересованная щедрость эмира затрагивает все секторы французского общества. Он окучивал около пятидесяти депутатов разных политических партий и попытался, хотя и безуспешно, взять под контроль мусульманские пригороды. В конце концов ему удалось шаг за шагом купить большинство политических и экономических воротил страны, так что маленький эмират располагает официальным французским представителем в Совете Безопасности и может по своей прихоти использовать французскую армию.

Падение ливийской арабской Джамахирии

Вернемся к проблеме войны. Больше всех – на треть – в военные операции против Сирии была вовлечена именно Франция, в то время как участие даже Соединенных Штатов составляло одну пятую, а Соединенного Королевства – и вовсе одну десятую.

По прибытии войска союзников просто координировали действия. Но 31 марта 2011 года Вашингтон ввел объединенное командование НАТО. Французские войска перешли под начало американского адмирала Джеймса Дж. Ставридиса и его заместителей – канадского генерала Шарля Бушара, американского генерала Ральфа Дж. Джодиса II и итальянского вице-адмирала Ринальдо Вери. Другие страны, не входящие в альянс, вступали в новую коалицию «по желанию».

С этого момента французскому генеральному штабу стало известно об общей стратегии операции только то, что содержалось в приказах конкретно ему или во что НАТО снисходительно соизволило его посвятить. В сущности, задействованные в операции французские вооруженные силы были слабо оснащены и неоднородны, то есть находились в полной зависимости от НАТО.

В начале войны Франция приняла участие в истреблении 40 000 военнослужащих ливийской армии, группировавшихся в окрестностях Бенгази, должно быть, действительно веря в то, что они готовили резню гражданского населения. В последующие пять месяцев она довольствовалась нанесением бомбовых ударов по указанным ей объектам. Однако она располагала и несколькими подразделениями наземных войск, координирующими свои действия с повстанцами. То есть ей приходилось признать очевидное и допустить подлинные причины сумятицы первоначальных приказов: вооруженных повстанцев было немного, и это были преимущественно выходцы из Исламской группы, сражающиеся в Ливии. Иначе говоря – из «Аль-Каиды».

Министр безопасности Жерар Лонге был точно информирован о гигантских манифестациях против НАТО, прошедших в Триполитании и Феззани и организованных Муаммаром Каддафи. С тех пор он приватно выражал президенту Саркози свое неприятие этой войны. Горячую солидарность с ним в этом вопросе проявил министр внутренних дел и бывший генеральный секретарь Елисейского дворца Клод Геан, знающий о ходе событий намного больше него. Их поддержал и третий – директор-распорядитель внутренней безопасности Бернар Скварчини.

29 марта Соединенное Королевство и Франция созвали в Лондоне совещание основных союзников. Там была достигнута договоренность, что зарплаты членам Национального переходного совета Ливии будут выплачиваться из замороженных ливийских фондов, через Ливийскую информационную службу обмена. Такое решение дважды противоречит международному праву – которое, прежде всего, запрещает вмешиваться в национальный конфликт и оплачивать оппозицию, – прежде называвшуюся шпионами, – и, уж конечно, запрещает использовать по собственному усмотрению замороженные фонды.

Только теперь Николя Саркози узнал, какими богатствами располагала Ливия: 150 миллиардов долларов, из которых 143 тонны золота и почти столько же тонн серебра. Клод Геан получил разрешение срочно отправить бывшего шефа Национальной полиции, префекта Эдуара Лакруа, чтобы выторговать у Каддафи часть этих сокровищ в обмен на отзыв французских войск.

Ситуация осложнилась 14 мая, когда в Нью-Йорке арестовали генерального директора Международного валютного фонда француза Доминика Стросс-Кана. Нейтрализация соперника-социалиста на выборах была хорошей новостью для Николя Саркози, но он постарался извлечь из этого случая еще и максимальную выгоду в войне против Ливии. Стросс-Кана арестовали, когда он уже собирался вылететь в Триполи через Берлин и должен был встретиться с Муаммаром Каддафи и советником Ангелы Меркель. На встрече планировалось обсудить монетаристские эксперименты Ливии (как обойтись без доллара США и центральноафриканского франка?). Отчитаться об этом он должен был в Довиле, на встрече G8, через несколько дней. По всей видимости, Стросс-Кан попал в западню, расставленную людьми, хорошо осведомленными о его прошлых грешках. Напрасно его адвокаты поспешили в Тель-Авив – это не помогло. Сторонники военно-промышленного комплекса снова одержали верх над теми, для кого международные финансы важнее всего.

Тогда же стартовали франко-ливийские тайные переговоры, но заместитель госсекретаря вмешался из Вашингтона и приказал Парижу немедленно их прекратить.

Николя Саркози, Дэвид Кэмерон и эмир Аль-Тхани создали новый ливийский центральный банк и новую нефтедобывающую компанию, которой предстояло работать с

«Тоталь» и «Бритиш петролеум». Ливийский переходный совет наделялся правом самостоятельно торговать ливийской нефтью на международном рынке под контролем Катара и сохранять прибыль. Барыш был слишком заманчив, и никому не хотелось дожидаться конца конфликта. В послании эмиру Национальный ливийский переходный совет подтвердил: 35 % сырой нефти достанется Франции. Эта доля соответствовала числу французских бомбардировок по отношению к бомбардировкам всей коалиции.

Как только Киренаика оказалась отделенной от Ливии, и ее нефть снова начала добываться, на поле военных действий больше не происходило ничего серьезного. Жители Бенгази, снова обретшие независимость, не проявили интереса к будущему Триполитании и Феззана.

За последующие шесть месяцев Ливию посетили многие французские деятели. Например, адвокаты Ролан Дюма и Жак Вержес. Оба предложили ливийцам защиту их интересов и подъем замороженных нелегальных вкладов на 400 миллионов евро их авуаров во Франции. Оплату они потребовали пропорционально задействованным суммам и уехали из Триполи с 4 миллионами евро наличными в качестве аванса. Впоследствии они отправили написанный от руки факс Алену Жюппе, требуя уточнить, на каком основании этот вклад был заморожен. В августе падет Джамахирия, и они уже никогда не завершат работу, за которую отхватили такой жирный куш.

Другой адвокат, Марсель Чеккальди, согласился защищать Халеда аль-Хамди – сына товарища Каддафи по оружию – после того как НАТО, желая сломать его, арестовало и убило его жену и детей. Тогда адвокат запустил бесчисленные процедуры в международных африканских военных судах, чтобы позже иметь в ООН благоприятные юридические основания. Потерпев неудачу, он стал советником главы кабинета вождя и выторговал снятие судебного преследования против него в обмен на отказ от публикаций записей разговоров с Зиадом Такеддином во время обсуждения оплаты предвыборной кампании Николя Саркози. Чеккальди хотя и авантюрист не меньше остальных, но тщательно соблюдал все свои договоренности, в том числе и заключенные после падения Джамахирии.

Бывший премьер-министр Доминик де Вильпен прибыл в Джербу (Тунис) и испросил аудиенции в Триполи. Теперь он снова работал адвокатом и представлял интересы катарского эмира. Его сопровождал друг президента Саркози, Александр Джури, уже игравший роль посредника с Ливией. Он вез предложение: капитуляция в обмен на безопасность и охрану Каддафи и всей его семье. Они приняли эмиссаров, прибывших с целью яснее понять их намерения, но в итоге в Ливию их непустили.

Что касается меня – то я получил приглашение от дочери вождя Аиши Каддафи и теперь могу лишь рассказать то, что произошло тогда. У меня было стойкое ощущение, что мной манипулируют. В свое время Фидель Кастро с восхищением говорил мне о Муаммаре Каддафи, а команданте не болтал попусту. Я констатирую, что кварталы Триполи, которые Совет по правам человека Организации Объединенных Наций объявил разрушенными ливийской авиацией, никто никогда и не думал бомбить. Я видел, что в Джамахирии уважалось международное право, и составил план того, как установить истину и спасти страну дипломатическими средствами. Однако шеф секретных служб Абдулла Сенусси был убежден, что я шпион. Меня временно отстранили, проверяя мое curriculum vitae. Тогда же Франция направила псевдоделегацию для поддержки Ливии, состоящую из «военных» и дополненную всей разведывательной службой. Они привезли досье, где сказано о моем противодействии соглашению, заключенному между Ливией и администрацией Буша; там были жесткие заявления, которых я не мог скрывать и которые и побудили Аишу Каддафи попросить меня приехать и проверить факты самому. Результат такого демарша был противоположен ожидаемому: пока министр иностранных дел Мусса Кусса перешел на сторону неприятеля и присоединился к британцам, Муаммар Каддафи допустил меня в правитель-

ство, поручил вести переговоры о различных альянсах и готовить сентябрьское заседание Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Поскольку я не хотел получать вознаграждение за политическую деятельность, было условлено, что в случае если я добьюсь в ООН заявления о неправомерности интервенции НАТО, то возглавлю англоязычный телеканал, студии для которого уже куплены на Мальте под руководством Халеда Базелия. Властью я, однако, располагал бы весьма относительной – ибо Муаммар Каддафи продолжал бы вести переговоры и о другом канале с Израилем, Францией и Соединенными Штатами.

В правительстве почти все оказались предателями. Работало всего шесть министров, из них двое были недееспособны, и никто никому не верил. Несмотря на внешнюю лояльность, их позиции казались сомнительными. Некоторые, как, например, министр нефти Шукри Ганем, склонялись к измене, чтобы обрести право свободно ездить по Европе и разблокировать ливийские фонды. Министра Абдула Ати Аль-Обейди, заподозренного в том, что он стал перебежчиком, люди шефа секретных служб Абдуллы Сенусси арестовали и целый день пытали. Это было ошибкой. Аль-Обейди, сознавая, что спасти свой народ еще возможно, героически продолжал работать. После пыток он стал хромать, но никуда не пожаловался.

Ливийская арабская Джамахирия, как и ее вождь, не вступала ни в какие альянсы. С тех пор как началась война, у нее не осталось друзей – за исключением нескольких африканских стран, среди которых Южная Африка плюс Куба, Сирия и Венесуэла. Россия Дмитрия Медведева предала его, несмотря на резко осудившего это посла Владимира Шамова – быстро отстраненного от должности – и премьер-министра Владимира Путина, который ждал своего часа. Китай, у которого был серьезный спор с Ливией на Африканском Роге, предпочел не занимать никакой позиции. Часть же бывших союзников, поддавшись всеобщему поветрию, повернулись к Ливии спиной. Так, президент Сенегала Абдулай Вад, которого долгие годы сам Каддафи обласкивал и любил – первым осудил его и сам же ему об этом сообщил.

Я опасался, что дело имама Мусы Садра, исчезнувшего в Ливии или в Италии в 1978 году, могло затруднить сближение с шиитами (*хотя ливийские спецслужбы утверждали, будто Муса Садр уехал из Ливии в Италию, считается, что этот духовный и политический деятель был застрелен по личному приказу Каддафи.* – Прим. ред.). Однако же ничего подобного не случилось. Несмотря на публичные заявления ливанских правящих кругов, личность Мусы Садра, кажется, вызывает у некоторых сомнения. Садр основал «Амаль», «Движение угнетенных» (ныне возглавляемое миллиардером Набихом Берри) и вывел ливанских шиитов из плачевного состояния. Но были и те, кто считал его шпионом шаха, что сыграло свою роль в расколе «Хезболлы» с его партией.

Я считал, что очень важно было возобновить связи с Ираном, готовым принять делегацию очень высокого уровня, и с ливанским Сопротивлением. Среди аккредитованных в Триполи журналистов я узнал американского фотографа Тару Тодрас-Уайтхилл: я знал о роли в убийстве Рафика Харири, какую она сыграла для «Моссада». Тут же я предложил задержать ее в Триполи, сообщить в Ливан и подготовить ее экстрадицию в качестве жеста доброй воли. Это было моей ошибкой: Муаммар Каддафи продолжал контакты с израильтянами и послал одного из своих детей вести переговоры в Тель-Авиве. Абдалла Сенусси в который раз задумался, не лучше ли меня арестовать. А Тодрас-Уайтхилл при встречах со мной держала себя вызывающе.

Вождя стало заносить в мистику. Он приютил одну бедуинку, впадающую в состояние транса: ее голосом к нему якобы обращались ангелы. Она убедила его, что все вот-вот закончится хорошо. Настанет день, и Соединенные Штаты уйдут, так же неожиданно, как и вступили в конфликт, без объяснений. Эта женщина и ее семья – ужасные мракобесы. Им совершенно было невозможно возражать. Когда я задавал ей естественные вопросы, ее отец

отвечал мне, что «согласен разговаривать с неверным» – в данном случае со мной, – и «это его не огорчает».

27 июня французская армия разбомбила антенну-передатчик ливийского телевидения в ту самую секунду, когда Юсеф Шакир, известный журналист и бывший член «Аль-Каиды», предоставил слово мне.

Веря, что может воззвать к общественному мнению, Джамахирия позволила иностранной прессе осветить конфликт. Сотни журналистов устремились со всего мира, чтобы самим увидеть следы бомбардировок НАТО. Получалось, что натовцы неверно выбирали мишень: разбомбили полезное здание, а другое оставили нетронутым. Но оказалось, в каждом из этих случаев за приездом журналистов следовал еще один неожиданный удар. Так и не поняв, кто из них контактирует с НАТО, Муаммар Каддафи приказал запереть всех журналистов в отеле «Риксос» и выпускать только в сопровождении полицейских. Там же было размещено и бюро официального пресс-секретаря правительства Муссы Ибрагима. Пока его команда работала в полном составе, все компьютеры неожиданно вышли из строя. Данные с дикой скоростью проносились на мониторе, а клавиатуры не откликались. Чтобы прекратить незаконное скачивание, отключили питание. Но и это не прояснило, какие именно «журналисты» организовали такую операцию. Тогда Абдулла Сенусси решил воспользоваться программным обеспечением, приобретенным у французской компании. Оно позволяло скачивать все e-мейлы в момент их написания, впуская в память сохраняющего их сервера. Результаты ошеломили. Почти все приехавшие журналисты, включая французов, но кроме русских, южноамериканцев и одного корреспондента агентства «Франс пресс», оказались шпионами. Они работали преимущественно на ЦРУ и МИ-6. Прежде чем приехать в Ливию, они с компьютеров, оставленных дома, обменивались кто собранными личными данными, кто – приказами из центра, присланными по электронной почте.

Обычно работающие для телевидения группы состоят из трех-четырёх человек. Тот военный журналист, который появляется на экране – корреспондент центрального офиса, снабжающий его информацией о ходе всей операции. Большинство таких, прежде чем приехать в Ливию, освещали войны в Афганистане и в Ираке – их, вопреки видимости, не так уж много. Два техработника обеспечивают качество изображения и звука. Это в основном спецслужбисты под прикрытием. Наконец, американские группы включают и продюсера – и вот он-то и есть оперативный агент, выполняющий спецзадание.

Ежедневные бомбардировки были по большей части высокоточными – но бывало, что они уносили или калечили жизни неизбежных «случайных жертв». Кроме того, выбор некоторых мишеней был попросту преступен, как это сделали бы рэкетеры, – чтобы подтвердить солидарность или принудить к капитуляции.

Политика делалась в трех помещениях: все политические руководители, кроме вождя, в целях безопасности разместились в отеле «Рэдиссон Блю»; приглашенных иностранцев отвезли в «Коринф», где заседало временное правительство; за журналистами же присматривали в отеле «Риксос», часть которого подверглась потом разрушениям.

На командном пункте в Неаполе НАТО созвало тайное совещание. Францию на нем представлял министр иностранных дел Ален Жюппе, а вовсе не министр обороны Жерар Лонге, который не одобрял этой войны. В 2004 году Жюппе, бывший премьер-министр, был осужден апелляционным судом в Нантере на 14 месяцев тюрьмы условно и на год лишен права избираться за незаконные доходы. Такой приговор, на редкость мягкий, – первая судебная инстанция запретила ему избираться в ближайшие 10 лет – побудил его уехать из Франции и год прожить в Квебеке. На самом деле он долгими неделями торчал в Вашингтоне и, повинувшись собственному властолюбию, превратился в неоконсерватора. Когда кабинет Жюппе спросили, присутствовал ли тот на тайном совещании в Неаполе, ответ был таков: он не смог туда приехать, ибо в эти дни был в отпуске.

Чтобы создать национальную освободительную армию, Франция выбрала генералов Абделя Фаттаха Юниса и Халифу Хафтар. Первый еще до февраля был одним из соратников Каддафи. Каким образом Генеральному управлению внешней безопасности удалось его завербовать, до сих пор неизвестно. Вместе с тем он продолжал поддерживать связи с Саифом эль-Исламом Каддафи. Хафтар же предал свою страну еще во время войны в Чаде. Он работал на Францию и Соединенные Штаты, потом его заставили бежать из страны, и он поселился в Лэнгли (США), рядом с офисом ЦРУ. Но в конце июля Юниса арестовывали; его пытали, калечили и, в конце концов, убили. Его тело было расчленено и частично съедено. Хотя все делали вид, будто не знали, в чем тут дело – было понятно, что он попался в ловушку, расставленную Мустафой Абдель-Джалилем – людьми Абдельхакима Бельхаджа («Аль-Каида»), влившимися в лоно Бригады 17 февраля (*по другой версии, его убили повстанцы, заподозрившие его в предательстве*. – Прим. ред.).

Перед самым началом совещания в Неаполе тайный переговорщик, отправленный Саркози, покинул Триполи на моторной лодке. Уже было принято решение покончить со всем этим. Ловушка захлопнулась. Отныне невозможно было ни въехать в Триполи, ни выехать из него по воздуху, по земле или морем. За это время французский парламент одобрил нападение на Ливию. В Национальном собрании, где не знали всей происходящей закулисной борьбы, председатель фракции сторонников Саркози, Кристиан Жакоб, без зазрения совести воздал лицемерные почести выполняющим задание военным: «Эти солдаты, часто совсем юные, призваны защитить нашу страну и наши ценности, подвергая собственную жизнь опасности. Мы сознаем, чем им обязаны. И вся Франция понимает цену их жертв». Затем он проговорился, что их отправили туда воевать исключительно за колонизацию (а это очень далеко от республиканских ценностей). «Французское знамя развевается над Бенгази, и для нас это источник неизмеримой гордости», – выкрикнул Жакоб под аплодисменты своих однопартийцев.

Пока я объяснял своим друзьям, что Атлантический совет никогда не позволит НАТО выйти за пределы мандата Совета Безопасности ООН и бомбить Триполи, Вашингтон растоптал устои альянса. Устроив заговор, он сколотил в Неаполе секретный «Комитет защиты». Туда были приглашены только самые близкие союзники (Франция, Италия, Соединенное Королевство, Турция) и несколько друзей из региона (Саудовская Аравия, Израиль, Катар). Совместно они разработали способ применения средств НАТО, чтобы поставить Атлантический совет перед свершившимся фактом.

Список решений этого совещания уточнил цели каждого союза. Среди таковых – французским силам специального назначения было поручено устранить меня. К тому же в Триполи на следующий же день после его падения были уже расклеены объявления о розыске – включающие пятнадцать ливийцев и меня. И все-таки и мне, и моим сотоварищам удалось просочиться сквозь эту сеть благодаря и странам, и людям – в числе которых Уолтер Э. Фаунтрой, бывший член американского Конгресса и бывший помощник Мартина Лютера Кинга-младшего, – и еще французским и российским телевизионщикам, только что приехавшим. Фаунтрой же, вернувшись в свою страну, засвидетельствовал, что сам видел, как солдаты регулярных французской и датской армий вместе с «Аль-Каидой» обезглавливали ливийцев.

Штурм Триполи был трехдневным непрерывным огненным дождем. Убили около 40 000 человек, не разбираясь, где гражданские, где военные. Повторилась резня, устроенная итальянскими войсками в 1911 году. Были разбомблены все баррикады на главных перекрестках города, потом британские вертолеты спустились прямо на улицы, без разбору расстреливая всех, кто еще оставался. Город не обладал надежной защитой – его военный комендант, подкупленный натовцами, перед самой атакой отправил солдат по казармам.

Во время битвы Муаммар Каддафи укрылся в бункере, расположенном под отелем «Риксос», куда до этого отвезли заблаговременно собранных вместе западных «журналистов». Их присутствие мешало западной коалиции призвать на подмогу воздушные силы. Парк же был окружен бригадой «Аль-Каиды» под командованием ирландца Мехди Аль-Харати – агента ЦРУ, участвовавшего в турецкой операции «Флотилии свободы» у берегов Газы – а ею самой руководили французские силы специального назначения. Отель защищал Хамис Каддафи и его люди.

Когда стало ясно, что поражение неизбежно, Каддафи с семьей бежал в Сирт. Я, в свою очередь, сперва встретился со Стражами революции, которых Исламская Республика Иран отправила для моего спасения, затем спасся бегством, уплыв на Мальту на борту маленького кораблика, зафрахтованного Чехией для международной организации, перевозившей мигрантов. Перед отплытием меня и моих сотоварищей обыскивали сперва офицеры НАТО, затем люди Сенусси, а потом «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида». Пассажиров отбирали по общему согласованию между НАТО – только что изменившему мнение о моей персоне – и сторонниками Каддафи, чтобы обе группировки пропустили их через линию фронта. На борту вместе со мной плыла и бывшая любовница Саифа эль-Ислама, и итальянский спецназ – это он спровоцировал войну, стреляя 16 февраля 2011 года с крыш Бенгази и по манифестантам, и по полицейским.

В Сирте вождь наконец обсудил с израильянами свое бегство в Республику Чад. Это было ловушкой. 20 октября французские спецслужбы вместе с «Аль-Каидой» арестовывали его; Каддафи был подвергнут пыткам и убит.

Итак, ливийские «революционеры», то есть «Аль-Каида», отнюдь не собирались убирать сабли в ножны: они снова взялись за свое, как было в Афганистане, а потом в Югославии, и ветер раздувал их знамена.

Перемещение ливийских повстанцев в Сирию

Перед тем как было принято решение о взятии Триполи, Соединенные Штаты приказывали своим людям в Национальном переходном ливийском совете и командованию «Аль-Каиды» провести встречу в отеле «Коринф». Здание охранялось британскими службами, а в городе в это время продолжались столкновения и улицы были завалены трупами. Абдельхаким Бельхадж, бывшее третье лицо в мировой расфасовке «Аль-Каиды», был назначен военным комендантом столицы.

26 августа в интервью «Паризьен» Ален Жюппе заявил: «Когда меня спрашивают о цене операции – министерство безопасности говорит о миллионе евро в день, – я напоминаю, что помимо всего остального это еще и инвестиции в будущее. Ресурсы страны были присвоены Каддафи, который накапливал золотой запас. Эти средства должны послужить развитию Ливии; процветающая Ливия станет уравнивающим фактором для всего региона».

1 сентября международная конференция в Париже напрямую заявила о «смене режима». Были разблокированы менее десятка из 50 миллиардов замороженных ливийских долларов. Никто не знает, что случилось с оставшимися от ливийского сокровища 100 миллиардами.

15 сентября Николя Саркози, Ален Жюппе и ВНЛ (Бернар-Анри Леви) встретились в Бенгази с Дэвидом Кэмероном в сопровождении эскорта из сотен полицейских, а также французских и британских военных. Их восторженно приветствовали полторы тысячи тщательно отобранных людей. Они приехали закрепить обладание завоеванной нефтью. В краткой приветственной речи президент Саркози объявил: Франция поддержит не только тех, кто с Ливией, но и «все арабские народы, желающие освободиться из-под власти их прави-

теля». Теперь он уже только и думал что о нападении на Сирию и захвате ее колоссальных запасов газа.

Эмиру Аль-Тхани оставалось лишь потирать руки. Международная пресса всю расхваливала его как защитника демократии, – его, в чьей стране существует рабство, система трудового покровительства кафала (*официальный запрет на кафала был введен в декабре 2016 года.* – Прим. ред.). Завоевание Ливии обошлось ему всего в 20 000 тонн оружия и 400 миллионов долларов.

Для уточнения: после падения Ливийской арабской Джамахирии в Триполи жители Бенгази арестовывали чернокожих, которые не успели сбежать. Они сажали их в клетки и показывали как животных. Древняя традиция рабства кочевых бедуинов воскресла, но теперь уже с оседлыми чернокожими.

В ноябре 2011 года специальный представитель Пан Ги Муна и бывший генеральный секретарь «Международной амнистии» Иэн Мартин организовали перевозку на корабле 1500 джихадистов «Аль-Каиды» в Турцию. Официально эти люди, холостые и вооруженные, считались «беженцами». Их определили под покровительство Абдельхакима Бельхаджа – который между делом не бросил своей службы в Триполи – и Мехди Аль-Харати. Пришвартовавшихся в Турции, их на автобусах турецких спецслужб перевезли в Джабаль-Ас-Зуя в Сирии. Они составили первые отряды Сирийской свободной армии (ССА) под французским командованием. Бельхадж на Рождество вернулся в Ливию, успев до этого в Сирии дать интервью испанскому журналисту из «АВС». Тогда Мехди Аль-Харати создал и второй отряд – Ливаа Аль-Умма (Бригада исламской нации) для подготовки сирийских бойцов. В сентябре 2012 года эта бригада влилась в Свободную сирийскую армию.

Сирия: война в четвертом поколении

5 сентября 2011 года президент Саркози принял в Елисейском дворце патриарха маронитов, С.Б. Бехару Раи. Он без обиняков объяснил прелату, что союзники хотят привести к власти в Дамаске «Братьев-мусульман». Сирийских католиков и маронитов, – а может быть и ливанских, – примут во Франции. Сенатор Адриен Гутейрон как раз изучал условия для этого. Все православные будут вырезаны. Его Блаженству, сперва заявившему о своем несогласии, оставалось лишь мужественно проглотить горькую пилюлю.

В Сирии Соединенные Штаты испытали новую стратегию. Они решили поменяться ролями, то есть использовать против Республики методы, которые участники Сопrotивления обычно применяют в борьбе с Империей, но при этом сохранив козырной туз: власть своих массмедиа. Таков принцип «войны в четвертом поколении» (4GW): создать впечатление, что они повсюду, хотя в реальности их вмешательство весьма незначительно.

В этих обстоятельствах союзникам оставалось рассчитывать лишь на некоторые силы спецназа с высокой мобильностью, которые должны были действовать вместе с сирийцами, создавая сумятицу. Планировалось провести три типа операций:

- действия против государственных символов, например ниспровержение статуй Хафеза аль-Асада, основателя современной Сирии и отца нынешнего президента;
- акции саботажа, например, пуск под откос поездов или разрушение основных сетей электропередачи;
- случайные убийства, которые должны создавать ощущение расползающегося конфликта.

«Зарезервировав» французскую армию для методов такого рода, президент Саркози доверил управление операциями своему шефу генерального штаба, генералу Бенуа Люга. Тот сперва руководил Управлением по спецоперациям, а потом – военной разведкой. Выходец из семьи крайне правых военных (его отец принимал участие в алжирском путче), он – католик-лефеврист, сторонник политики колониализма (Лефевр был епископом Дакара).

Офицер-десантник, он принимал участие во многих колониальных операциях в Африке и Ливане, а также был военным советником бывшего премьер-министра Швеции Карла Бильдта, когда тому поручили управлять Косово в конце войны и когда он стал верховным представителем по Боснии и Герцеговине. Пюга контролировал возведение разделительной стены между Израилем и Египтом. Неоспоримая храбрость – вот основа его авторитета у высокопоставленных политиков, которым он служил. Он взял под свое командование на местах военных действий солдат Иностранного легиона и Управление спецоперациями.

Позиции французского спецназа во время войны определить невозможно. Известно, что 19 французских солдат были взяты в плен сирийской арабской армией во время президентства Николя Саркози, и по меньшей мере столько же было убито. Семьям – у кого они имелись – сообщили об их «гибели на задании», не уточнив ни страны, ни тем более подробностей.

В Совете Безопасности Россия и Китай наложили вето на план западной военной интервенции. Громадная толпа – возможно, миллион граждан – вышли на улицы Дамаска, чтобы поблагодарить Москву и Пекин и выразить поддержку президенту Башару аль-Асаду. Лига арабских государств под председательством Катара развернула наблюдательную миссию; та констатировала бессмысленность донесений западной прессы и признала правоту Сирийской арабской республики. То есть вмешательство не получило ни региональную поддержку, ни легитимацию, сравнимую с вторжением в Ливию.

В этих обстоятельствах западные силы поставили на карту все, чтобы только сколотить альянс. Вашингтон объединил шестьдесят стран, «Друзей Сирии». Россия и Китай тоже были приглашены, но обнаружили, что повестка дня не дает им высказать свою позицию. Участникам предстояло принять документ, который они смогли прочесть уже по приезде. Тогда Москва и Пекин бойкотировали собрание. Оно с опозданием открылось в Тунисе президентом Мосефом Марзуки, сообщившим о массовых протестных выступлениях его народа. Марзуки пользовался репутацией светского политика левого толка, однако уже давно служил прикрытием для «братьев-мусульман». Он сразу же произнес речь с призывом к Башару аль-Асаду – бежать, а к России – предоставить ему политическое убежище, чтобы «Братство» смогло взять власть. Ален Жюппе призвал принять санкции против «алавитской диктатуры», а Хиллари Клинтон объявила, что западные страны вот-вот закроют свои посольства в Дамаске.

В этом шоу был ряд очевидных ошибок.

– Прежде всего, западные страны не понимали, почему Россия поддерживает Сирию. Им это казалось верностью прежнему союзнику советской эпохи. Они не переставали надеяться «убедить» Москву следовать за ними «по правильной стороне истории».

– Далее: оказавшись жертвами собственной пропаганды, они упорно настаивали, что Сирия является диктатурой и управляется сектой алавитов. Однако, хотя авторитет президента аль-Асада в армейских кругах и был весьма высок, многие высокопоставленные гражданские чиновники поступали по-своему и не подчинялись ему. Кроме того, это светская республика и неконфессиональное государство. Она была основана партией «Баас», долгое время державшей государственную систему под своим контролем. Эта политическая формация билась за объединение арабского народа на принципах Французской революции. В довершение всего можно сказать, что эта страна с 1948 года находилась в состоянии войны с соседом-захватчиком, Израилем, и ее режим был милитаризован и находится под широким контролем светского отделения партии Баас.

– Наконец, следуя инициированному Хиллари Клинтон движению, «Друзья Сирии», отозвав своих дипломатов, вот-вот должны были лишиться легальных способов проверки информации. Тогда лишь США и Соединенное Королевство смогут располагать широкой

системой спутникового шпионажа («Пять глаз»), которая позволяла бы им отличать ложь от правды.

Роль французских властей оставалась ограниченной. Сперва она состояла в поддержке бригады Омара Аль-Фарука в Хомсе и при нападении на Маалюль – первое историческое поселение христиан.

Журналист канала France 2 Жиль Жакьер – работавший и на Генеральное управление внешней безопасности, и на «Моссад» в нарушение мюнхенской хартии, – был убит минометным огнем в Хомсе 11 января 2012 года. Он должен был связаться с бригадой Омара Аль-Фарука. Сперва он просил зачислить его в сирийскую арабскую армию, чтобы последовать за генералами Махером Аль-Ассадом и Вайихом Махмудом – о которых западные спецслужбы пытались собрать сведения. Прибыв в Дамаск, он торопился в отель, известный спецслужбам Запада как место встречи «Братьев-мусульман» и их западных спонсоров. Приглашенный для встречи с семьями замученных и руководителями внутренней оппозиции, он обвинил их, что те-де «служат пропаганде режима». Отказавшись от правительственной охраны, он один отправился в Хомс, убежденный, что «революционеров» ему опасаться нечего. Но зашел в алавитский квартал, который каждый день бомбили джихадисты, попал под бомбардировку и умер, подобно многим сирийцам.

Генеральное управление внешней безопасности настойчиво утверждало, что кончина Жакьера – результат «заговора режима». Ален Жюппе предложил Совету Безопасности в Нью-Йорке «склонить голову в память о Жиле Жакьере, французском журналисте, убитом при исполнении служебных обязанностей»; вот неудачнейшая оговорка, ибо «умер при исполнении служебных обязанностей» обычно говорят о выполнявших свою миссию чиновниках, но никак не о журналистах, задача которых – служить общественной пользе.

Франция выступила также и на стороне турецкой армии, поддерживая джихадистов, дважды напавших на маленький городок Маалюль, символ первоначального христианства. Они разрушили статую Святой Девы, возвышавшуюся над городом, и ограбили мощи «тринадцатой апостольши» Святой Феклы, а также расхитили монастыри святых Сергия и Вакха – единственной пары, канонизированной католической церковью. Много французских солдат погибло в соседней деревне Санайех.

Бригада Омара Аль-Фарука устанавливала в губернии Хомса свои законы. Сбылось то, что Николя Саркози говорил патриарху маронитов – проповедники объявили по громкоговорителю, что христиане должны заплатить налог на неверных, а потом им дадут несколько дней, чтобы они уехали или приняли смерть. Это постоянная политика Франции и Турции, начиная еще с плана Бодекюра 1848 года – переселения всех христиан-католиков и маронитов (подчиняющихся полностью римскому папе) и уничтожения православных.

Наконец французские силы спецназа взяли под крыло и такфиристов – ответвление «Братьев-мусульман», укрепившееся в одном из кварталов Хомса, Баба-Амр. Там они провозгласили исламский эмират. Их требованием было отлучение от ислама, осуждение и публичная казнь мусульман, не разделяющих доктрины братства. Во время военных действий в Ираке их проповедники ходили по сирийским деревням, весьма успешно вербуя сторонников. А коль скоро в некоторых областях страны сельские постройки представляли собою просто отдаленные друг от друга фермы, не объединенные в деревни, то точное число завербованных подсчитать невозможно. Приблизительно их около 2000 человек. Можно прибавить еще множество рецидивистов, примкнувших к ним за полновесную монету. План был создать в этом эмирате отправную точку для завоевания всей страны. Именно в таких обстоятельствах Россия и Китай во второй раз наложили вето в Совете Безопасности на проект вооруженного вмешательства НАТО.

Исламский эмират в Баба-Амр держался стабильно – сирийской арабской армии удалось лишь осадить квартал, служащий ему убежищем. Отряд из 70 ее солдат был оттеснен на

территорию супермаркета и блокирован. Бомбить джихадистов оказалось невозможным – слишком велик был риск уничтожить и солдат регулярной армии. Невозможно было и войти в Баба-Амр – подступы защищались противотанковыми ракетами «Милан» (установка на боевое дежурство обходится в 100 000 евро плюс еще 12 000 за пуск), поставленными французским спецназом, и батареями 9К115-2 «Метис-М» советского производства. Ко всему прочему там можно было общаться из одного дома с другим, не выходя на улицы. Маленький исламский эмират снабжался пищей и припасами через разветвленную сеть подземных туннелей, прорытых в канализации во время подготовки к войне.

France 24 и «Аль-Джазира» имели в Баба-Амр собственных корреспондентов. И вот один из них, молодой Абу Салех, рапортовал всему миру о ежедневных бомбардировках. Он показал кадры, запечатлевшие их жертв и свое собственное ранение. В реальности все было совсем не так. Слышны были взрывы – да; но это сравнивали с землей дома сторонников режима и христиан. Черный дым поднимался в небо – это горели их шиферные крыши. «Раненые» – лишь нанятые статисты. Шоу было столь ловким и так согласовалось с устремлениями западных стран, что все верили ему до тех пор, пока один британский журналист не заснял самого Абу Салеха, руководящего его «постановкой».

Сирийская арабская республика опасалась, что осада Баба-Амр обернется большой кровью, как уже было во время государственного переворота «Братьев-мусульман» в 1982 году. Генерал Ассеф Шавкат связался с французским министром внутренних дел Клодом Геаном, не одобряющим этой войны, как и войны в Ливии. Два этих человека согласились заключить «мир храбрецов»: находящиеся там французские части свободно отойдут, но сирийские такфиристы сдадутся. Геан послал туда блестящего офицера Управления по сотрудничеству и международным связям, бывшего атташе при французском посольстве; он тогда был расквартирован в Иордании, и его принимал Мишель Кассуа – человек, в 1982-м году несправедливо объявленный во Франции персоной нон грата.

Обе стороны согласились избрать меня «третьим доверенным лицом». Уже не в первый раз Елисейский дворец обратился ко мне за помощью и при этом поручил Управлению внешних связей меня «нейтрализовать». Он уже ходатайствовал о моем посредничестве на тайных переговорах с президентом Уго Чавесом, чтобы обойтись без каналов набережной Орсе и сработать без ведома Соединенных Штатов. Разумеется, я действовал в интересах обеих сторон.

По прошествии многих дней переговоры были прерваны так, что вступить за Париж пришлось Москве. Наконец согласие было достигнуто. Французы отступили вместе с «журналистами». 19 офицеров, взятые в плен во время войны, были освобождены. Посол Франции в Бейруте Дени Пьетон и глава генштаба армий адмирал Эдуар Гийо приехали на ливанскую границу принять обе группы. Официально французы были «дезертирами» Иностранного легиона, однако некоторых задержали как обладателей «чемоданчика безопасной связи» НАТО; их принял сам глава генштаба.

Франция вышла из войны. Этим она поставила в дурацкое положение Энгуса Мк Ки, агента МИ-6, руководившего еще операциями в английских посольствах в Дамаске и Бейруте, и лорда Дэвида Ричардса, шефа британского генштаба, предлагавшего напасть на Сирию со 100 000 численного состава. Вашингтон был в панике. Национальное агентство безопасности приказало тайно вскрыть компьютеры Елисейского дворца, чтобы понять, что таилось за таким поворотом Франции. Так и было сделано.

Информацию о французских пленниках широко распространили незападные средства массовой информации, особенно Russia Today. Но из-за вмешательства Елисейского дворца ее не передало ни одно крупное французское СМИ.

Для Парижа наступил час сведения счетов. Посол Франции в Дамаске Эрик Шевалье, чье бюро было закрыто, а персонал возвращен на родину, дал пресс-конференцию. Он зад-

ним числом разоблачил министра иностранных дел: тот-де фальсифицировал свои рапорты, чтобы они соответствовали его колониалистским фантазиям. Оба могли бы начать взаимные споры еще в начале войны, когда Ален Жюппе требовал признать информацию France 24 о пытках детей, которым вырывали ногти, а также о манифестациях за демократию. Посол мог бы настаивать, что не в состоянии проверить первую информацию, а манифестации не были столь многочисленны, как утверждалось, и на них не было ни единого призыва к демократии.

1 апреля Ален Жюппе участвовал во второй конференции «Друзей Сирии» в Стамбуле. Здесь присутствовало 83 страны. Это больше, чем в Тунисе. Но Франция уже не играла никакой роли. Конференция констатировала: применить в Сирии первоначальный план, то есть обойтись с ней так же, как с Ливией, не входя в прямое противостояние с Россией и Китаем, невозможно. Но что, если атаковать ее без мандата Совета Безопасности, как это было сделано в Югославии (ныне Сербия) в Косово. С этой целью американскому представителю Стивену Рэппу было поручено создать Сирийский правовой и расчетный центр, «неправительственную организацию» с центром в Гааге, где должны собирать все свидетельства для будущего обвинительного досье, которое позволит судить президента аль-Асада Международным трибуналом. А Николя Саркози в это время думал только о подготовке к своему переизбранию.

Франсуа Олланд и возвращение партии колонизаторов

Но выборы Саркози проиграл. Он покинул Елисейский дворец с твердым ежегодным доходом в 3 миллиона евро от Катара и в должности управляющего Колумбийским фондом инвестиций.

Франсуа Олланд, хотя и избранный под знаменем «социалистической партии», управлял в интересах «партии колонизаторов». По истечении полутора лет его мандата он заявил ошеломленным избирателям, что является не социалистом, а скорее социал-демократом. В действительности это было понятно с самого начала его вступления в должность. Он, подобно предшественникам, ссылаясь на инаугурации на выбранную им историческую фигуру; для него это был Жюль Ферри (1832–1893). Да, этот политический деятель ввел бесплатное начальное образование, но в свое время был чрезвычайно непопулярен и прозван «Тонкинуазцем». На самом деле он отстаивал интересы крупных промышленных групп в Тунисе, Тонкине и Конго, вовлекая Францию в расистские и колониальные авантюры. И, в противовес общеизвестному мнению, его беспокойство о начальном образовании было вызвано отнюдь не заботой о детях, а их подготовкой к солдатской службе в колониях. Вот почему учителей его времени прозвали «черными гусарами».

Слова «французская колониальная политика» устарели, и в контексте действий Франсуа Олланда их употребление может показаться странным. Это выражение часто понимается неправильно, поскольку оно несправедливо связывается с колонизацией населения, тогда как речь идет прежде всего об экономической концепции. В XIX веке, когда рабочие и крестьяне подчас погибали при оказании сопротивления бесстыдно эксплуатировавшим их хозяевам, – среди последних нашлись и такие, кто подумал об извлечении выгоды за счет не слишком сплоченных народов. А ради того, чтобы этот их проект увенчался успехом, они изменили и национальный миф, и светскую организацию государства так, чтобы освободить население от влияния церкви.

Вступив в Елисейский дворец, Франсуа Олланд назначил премьер-министром Жан-Марка Эйро. У этого человека была приличная репутация, однако он принимал участие в колонизации Палестины и потом оправдывал ее. Был он еще и почетным председателем Кружка Леона Блюма – ассоциации, созданной Домиником Стросс-Каном для объединения сионистов в лоне Социалистической партии.

Олланд хотел назначить Лорана Фабиуса министром иностранных дел. Они с ним прежде были соперниками, но в предвыборную кампанию Фабиус заручился поддержкой эмира Катар и Израиля. Это человек без всяких убеждений, много раз менявший свои мнения по важным вопросам в зависимости от удобного случая. В 1984 году, когда он был премьер-министром, 2000 зараженных гемофилией умерли – только чтобы не пострадали интересы института Пастера, где не успели вовремя сделать тест на СПИД. Благодаря Франсуа Миттерану, изменившему процедурные правила судопроизводства, Республиканский Дворец правосудия оправдал его с вердиктом: «ответственность – да, виновность – нет». Вместо него тогда был осужден министр здравоохранения Эдмон Эрве.

Министром обороны Олланд назначил своего друга Жана-Ива Ле Дриана. Оба много лет работали бок о бок в команде председателя Европейской комиссии Жака Делора в Социалистической партии. В избирательную кампанию Олланда Ле Дриан от его имени был принят в Вашингтоне, где выразил преданность американской империи.

Помимо этого – беспрецедентный случай! – президент Олланд оставил на посту шефа генштаба выдвиженца своего предшественника, генерала Бенуа Пюга. Этот офицер был намного старше его, и он тех же крайне правых убеждений, что и отец самого президента. Ему была дарована привилегия в любой момент войти в его кабинет; он проявлял квазиродительское отношение к президенту.

Прежде всего Франсуа Олланд подвел итог разрушению Ливии. Джамахирия располагала госказной, насчитывающей минимум 150 миллиардов долларов. Официально НАТО заморозило все или по крайней мере треть этих денег. Где остальное? Сторонники Каддафи вынашивали план воспользоваться ими для организации Сопротивления на долгие годы вперед. Но в апреле префект Эдуар Лакруа, получивший доступ к части этих средств, за один день внезапно умер от «молниеносного рака», и в эти же дни тело бывшего министра нефтедобывающей промышленности, Шукри Ганема, нашли в Вене: он утонул в реке. Поистине, при молчаливом соучастии французского министра финансов Пьера Московичи, экономического советника Елисейского дворца Эммануэля Макрона и многих преуспевающих банкиров американская госказна не пощадила никого ради куша: 100 миллиардов долларов – да это же ограбление века.

С июня 2012 года Франция и Соединенное Королевство участвовали в объединении рабочей группы «Экономический подъем и развитие» «Друзей Сирии» в Объединенных Арабских Эмиратах под немецким председательством. Речь шла о том, чтобы вовлечь государства-члены в войну, посулив им добычу. Уже за много лет до этого норвежские объединения «InSeis Terra» и «Sagex» официально присутствовали в Сирии, занимаясь разведкой месторождений углеводородов. Они заявляли, что обнаружили 13 нефтяных и газовых участков на двух платформах, но на самом деле исследовали три платформы и знали, сколько может стоить каждая из них. «Sagex» был перекуплен франко-американским обществом «CGG Veritas», впоследствии поглощенным группировкой Шлюмберже, с котировками в Лондоне, и вскоре обладателями столь драгоценных сведений стали три эти страны, а отнюдь не Сирия, узнавшая об этом лишь в 2013-м. По результатам разведки месторождений Сирия располагала запасами ничуть не меньшими, чем Катар. Соединенное Королевство ввело в Национальный сирийский совет Усаму Аль-Кади – человека компании «Британский газ». С его помощью Париж и Лондон отдали приехавшим концессии на эксплуатацию и размещение в стране, которую даже еще не завоевали.

Саудовская Аравия готовилась перебросить войска в Дамаск, а в это время Соединенное королевство пока что взяло под контроль сирийские медиа. Координация усилий была протестирована в Иордании во время учений Eager Lion 2012 под командованием США. Ливийские лидеры взяли обязательство соблюдать нейтралитет, подписывая «Декларации Баабда». Сирии предстояло пасть быстро. Но тут Россия подтянула две межконтиненталь-

ные ракеты: «Тополь» с берегов Каспийского моря и «Булаву» – на подводной лодке в Средиземноморье. Послание было ясное: если западные державы не поняли двукратного русского и китайского вето в Совете Безопасности и все-таки нападут на Сирию – пусть будут готовы к новой мировой войне. Развернулась полемика с Сергеем Лавровым на тему «кто на правильной стороне истории».

30 июня бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, уполномоченный сменившим его Пан Ги Муном и генсеком Лиги арабских государств, председательствует в Женеве на конференции о будущем Сирийской арабской республики. Представителя Сирии не пригласили – ни от правительства, ни от Комитета национального спасения. США и Россия согласились не развязывать войну на Ближнем Востоке и договорились создать правительство национального единства под председательством Башара аль-Асада, включив туда несколько представителей сирийской оппозиции. Официально война была закончена. Мир вернулся к состоянию биполярности, как во времена холодной войны.

Если не считать того, что госсекретарь Хиллари Клинтон отказалась засвидетельствовать конец однополярного мира и утвердить собственную подпись – по ее утверждению, вырванную у нее под угрозой, – а французские и британские министры осторожно высказались о возможности разных мнений и подходов в трактовке окончательного коммюнике.

Вот тогда Генеральное управление внешней безопасности и организовало измену генерала Манафа Тласса, друга детства президента аль-Асада, и вывезло его в Париж. Его представили деятелем первого ранга. На деле же Манаф стал генералом, пойдя по стопам своего отца, генерала Мустафы Тласса, бывшего министра обороны. Это художник, никогда не интересовавшийся политикой. Когда война началась, он пошел на сговор с «революционерами», чтобы сохранить мир в своем родном городе Растане, но президент отверг такое соглашение. Это оставило по себе очень недобрую память. Манаф – бывший друг президента, и французская пресса, которая – как и весь политический класс – не интересуется ничем кроме денег, сделала вывод, что он финансирует сеть Вольтер (*организация под председательством Тьерри Мейсана*. – Прим. ред.), но это неправда. В Париже он встретился со своим отцом, живущим здесь после своего выхода на пенсию в 2004 году, братом Фирасом, руководившим в Катаре рытьем туннелей для джихадистов, и сестрой – она была интимной подругой Ролана Дюма, а затем журналиста Франца-Оливье Жизбера, с которым до сих пор работает. Однако Манафу было слишком поздно объявлять себя «священным президентом в изгнании» на конференции «Друзей Сирии».

Оказалось, что задуманная в Абу-Даби стратегема начала приносить плоды. 6 июля 2012 года в Париже быстро созвали третью конференцию «Друзей Сирии». В ней участвовало 130 стран и межправительственных организаций, привлеченных запахом нефти и газа. Хотя всего неделю назад Хиллари Клинтон и Сергей Лавров торжественно заключили мир, сюда приехала крупная американская делегация, чтобы снова начать войну.

Франсуа Олланд поднялся на трибуну и пригласил сесть рядом Абу Салефа, молодого «журналиста» France 24, бежавшего из Баба-Амр вместе с французами. После заседания президент под объективами камер Елисейского дворца долго поздравлял «революционера». Однако эти снимки потом удалили с официального интернет-сайта после того, как я позволил себе заметить, что Абу Салеф виновен в преступлении против человечества: он был участником революционного трибунала в эмиратах, приговорившего к смерти 150 гражданских лиц – христиан и алавитов, – после чего им всем перерезали горло.

Текст выступления президента Олланда был написан не в его кабинете, а по-английски в Вашингтоне, Нью-Йорке или Тель-Авиве, а уж потом переведен на французский язык. Приветствовав прогресс усилий, предпринятых в правильном направлении Кофи Аннаном, он воскликнул: «Башар аль-Асад должен уйти. Да будет учреждено переходное правительство!» Фактически он передернул значение слова «переходное», которое в женевском ком-

мюнике означало период времени от хаоса до установления мира. Отныне речь о переходе от Сирии Башара аль-Асада и светских институций, в основе которых – идеалы Французской революции, к другой Сирии, отданной «Братьям-мусульманам». Выражение «политический переход» теперь было заменено словами «смена режима». Комитет национального спасения ликовал, а Хиллари Клинтон наслаждалась.

Причина такого единодушия «Друзей Сирии» – расчет на углеводороды, однако у него была и иррациональная сторона. Не могу отделаться от мысли, что это самая широкая коалиция в истории человечества, продолжающая древнее противостояние между Римской империей и сетью сирийских подпольных торговцев. Я так и слышу афоризм Катона Старшего: «Carthago delenda est!» («Карфаген должен быть разрушен!»).

Все последующие дни Франсуа Олланд, Дэвид Кэмерон и Хиллари Клинтон неустанно, как мантру, повторяли: «Башар должен уйти!» Чем снова подтвердили свою ответственность за лозунги цветных революций («Шеварднадзе, хватит!» или «Бен Али, уходи!») Обращаясь к коллегам, словно говоря с толпой, они называли Башара аль-Асада одним только именем – «Башар». Такая методика не вела ни к чему хорошему, если не сказать – служила подтверждением их бессилия.

12 июля 2012 года стартовала операция «Дамасский вулкан и сирийское землетрясение». Более 40 000 наемников, приехавших из всех арабских стран, собранных США в Иордании, поддерживаемых Францией и Соединенным Королевством и оплачиваемых Саудовской Аравией, перешли границу, чтобы ринуться на Дамаск.

Французское отступление при освобождении Баба-Амр и соглашение о мире, двумя неделями ранее подписанное в Женеве, остались лишь далекими воспоминаниями. Началась новая война против Сирии. На сей раз воевать с ней должны были армии наемников. И она оказалась значительно кровопролитнее предыдущей.

Вторая война с Сирией

18 июля взрывом был разрушен офис Национального совета по безопасности в Дамаске; погибли генерал Дауд Раджха (министр обороны), генерал Ассаф Шавкат (шеф военной разведки, свояк президента аль-Асада) и генерал Хасан Туркмани (председатель Совета). Генерал Хишам Ихтияр (глава контрразведки) вскоре скончался от ранений. Подозревали, что какой-нибудь предатель подложил бомбу в потолочный светильник, но не исключено, что снаряд был выпущен с беспилотника. Военные министерства и спецслужбы были обезглавлены. Повсюду началась резня. На улицах стали убивать людей. Большинство жителей столицы спасалось бегством.

Западные лидеры, комментирующие этот теракт, стоивший жизни членам Совета по национальной безопасности, отказались осудить терроризм. Они полагали, что погибшие заслужили то, что получили.

Нападавшим были заданы цели. Так, отряд напал на мой дом в Меззехе, на самой окраине города, там, где росли широкие поля опунций. Но войска установили на крыше миномет, чтобы не подпускать террористов близко. Когда стрельба была окончена, в оставшихся на поле трупах опознали пакистанцев и сомалийцев. А в других частях столицы воевали тунисцы, афганцы и представители других народов. Этих людей едва успели научить в Иордании обращаться с оружием – иногда обучение длилось не больше недели. Их построили в отряды по их происхождению, но это никак не было армией в прямом смысле слова: не было создано принципа подчинения. Многие даже ничего не знали о Сирии; некоторые думали, что их завербовали спасти палестинцев в Израиле.

Бюро устроили в подвалах отеля «Дама Роз», где отдыхали генерал Роберт Муд и наблюдатели из ООН. Их присутствие было гарантией безопасности здания. Управляющий Центральным банком Адиб Майялех выступил по телевизору, опровергая сообщения «Аль-

Джазиры» и «Аль-Арабии» об обвале сирийского фунта. «АрабСат» и «НилСат» отключили еще работающее сирийское телевидение. В это время ЦРУ взломало аккаунт в Твиттере «Аль-Дунья ТВ», чтобы объявить об отступлении арабской сирийской армии и падении режима. Сигналы сирийских телестанций снова появились на «АрабСат» и «НилСат». Но исходили они не из Сирии, а из Австралии, и посланы были с базы Национального агентства безопасности США. В Катаре Франция участвовала в собраниях пресс-пула, принудительно мобилизованного для пропаганды НАТО. План – распространять скоординированный пакет репортажей, частью снятых на пленэре, частью – состоящих из смонтированных кусков, объявляющих о бегстве президента аль-Асада и крахе «алавитской диктатуры». Но на самом деле Сирия оказала сопротивление, и наемники отступили из Дамаска.

На Совете Безопасности ООН Россия и Китай в третий раз наложили вето на резолюцию, одобряющую западное военное вмешательство. Соединенные Штаты отступили. Лживые репортажи сирийского телевидения о бегстве президента аль-Асада не пошли в эфир.

24 июля король Аравии Абдалла вознаграждал принца Бандара Бин Султана за нападение на Дамаск и назначил его шефом саудитских спецслужб. Но через четыре дня в его бюро прогремел взрыв. Он был тяжело ранен, и я преждевременно объявил о его гибели. На самом деле погиб его заместитель, Мишаль Аль-Кани. Сам же он целый год провел в больнице; функции органов его тела уже никогда не восстановятся полностью.

Пресса сообщила, что президент Обама подписал приказ о тайной военной интервенции в Сирию, согласованной с НАТО. Кофи Аннан, осознав, что все его усилия будут одобрены официально, но саботированы «под ковром», 2 августа сложил с себя полномочия посредника.

5 августа Генеральное управление внешней безопасности помогло бежать «премьер-министру» Рияду Хиджабу. Эта операция была скорее символического значения, для исполнительной власти такая фигура – ничто. Сирия – древнейшее государство мира. Основанная 6000 лет назад на перекрестке торговых путей, она давно умеет тайно самоорганизовываться изнутри. Ныне видимая часть управления – глава исполнительной власти, президент Башар аль-Асад. Он отвечает перед народом. Под его руководством – три концентрических круга. Первый – правительство и подчиненный ей административный аппарат. Министры там – то же, что наши управляющие центральной администрацией. Затем – его советники во дворце; им подчинены министры. Наконец, его личные советники, вместе с которыми он принимает решения. Это республиканский режим, ибо исполнительная власть действует в интересах общественной пользы и у народа есть право ее выбирать; но это нельзя называть демократией, поскольку самые важные решения публично не обсуждаются. А Рияд Хиджаб никогда не был «премьер-министром» – такой должности просто нет в конституции: он работал секретарем совета министров, что совсем не то же самое в такой системе. Его роль состояла в получении повестки дня и директив из дворца и передаче их министрам, после чего он должен был собирать с них отчеты о проделанной работе. Это несопоставимо с гибелью членов Совета национальной безопасности, – его бегство не имело никакого значения. Помню, как я был удивлен, когда за несколько месяцев до этого на совещании генерал Хасан Турмани спросил меня, что бы я посоветовал по некоему важному вопросу. Я в числе прочего мимоходом предложил предупредить господина Хиджаба. Генерал с улыбкой ответил: «Это слишком важное решение, чтобы о нем беспокоились мы с вами». Ну а Парижу было дозволено все. Советник президента аль-Асада был завербован Генеральным управлением внешней безопасности, но он не был источником информации – у него не было допуска к государственным тайнам.

Затем 17 августа 2012 года министр иностранных дел Лоран Фабиус заявил: «Я сознаю, сколь ответственно то, что я сейчас скажу: господин Башар аль-Асад не заслужил права жить»: позиция по меньшей мере странная для представителя государственной дипломатии,

выступавшего против смертной казни. В сентябре Олланд и Фабиус встретились с Реджепом Тайипом Эрдоганом в Нью-Йорке, чтобы разработать план убийства своих коллег – сирийского министра иностранных дел Валида Муаллема и президента аль-Асада. Уже не в первый раз французская Пятая республика пыталась физически устранить президента другой державы. Так, в 2008 году Николя Саркози отправил отряд в Каракас под командованием Фредерика Лорана Буке с заданием убить Уго Чавеса. На сей раз, как и в предыдущий, Управление безопасности не смогло добиться своего. Оно рассчитывало на отдел министерских и дворцовых уборщиков – курдов, всерьез полагая, что ими можно манипулировать. Но заговор был разоблачен. 12 декабря 2012 года Лоран Фабиус на 4-й международной конференции «Друзей Сирии» в Марракеше выступает против решения Белого дома внести «Фронт Ан-Нусры» («Аль-Каида») в список террористических организаций. На последней пресс-конференции он заявил, что «все арабы грудью встанут против» такого американского решения, «на поле боя они [«Аль-Каида»] делают полезную работу». «Это совершенно ясно, и председатель коалиции того же мнения».

Менее чем за десяток лет Франция, единодушно приветствуемая в Совете Безопасности при выступлении Доминика де Вильпена, скатилась до уровня «бандитского государства», заказывающего политические убийства – или по крайней мере пытающегося их заказывать, если вспомнить все, что случилось со мной, – и поддерживающего исламских террористов в ущерб светскому государству. Даже хуже – она больше не скрывала, что вернулась к своим постыдным амбициям: 25 сентября Франсуа Олланд потребовал в ООН «защиты свободных зон», то есть постепенного установления колониального мандата, принятого Лигой Наций с 1923 по 1944 год.

Весь последовавший за этим год Франция поддерживала вымысел, что в Сирии воевали бежавшие из армии. Это миф Сирийской свободной армии (ССА). Якобы они – борцы за демократию. Однако за все пять лет войны не было продемонстрировано ни одного кадра с воззванием за демократию. Самое большее, что можно найти – это слоганы в защиту «свободы». Но речь тут вовсе не о свободе в понимании французских революционеров (такую провозглашала Баас), а совсем наоборот. Эти манифестанты требовали права «свободно» применять законы шариата – в той форме, в какой их понимали они сами. Кстати, все это сочинительство было приправлено множеством скандальных подробностей. 13 мая 2013 года один из командиров бригады Аль-Фарук (Свободной сирийской армии) распространил видеокadres, на которых пожирала кишки солдата арабской сирийской армии, заявляя при этом: «Вы, солдаты Башара! Мы клянемся перед Богом съесть ваши сердца и вашу печень. О, герои Баба-Амр, режьте алавитов и вырезайте у них сердца и пожирайте их». Еще один скандальный случай – ССА устроили в Аль-Дувайре резню христиан.

11 января 2013 года во внешней политике Франции возникло еще одно противоречие: не между риторикой и действительностью, а в лоне ее союзников. «Аппетит приходит во время еды» – гласит пословица. Франсуа Олланд решился на военную интервенцию в Мали. Это не очередная «арабская весна», а прямое следствие разрушения Ливийской арабской Джамахирии, о чем задолго до этих событий говорил Мохаммед Сьяла, министр по кооперации Муаммара Каддафи и хранитель сирийских валютных фондов.

Туареги – кочевой народ, живущий в центральной Сахаре и на границах Сахеля, то есть на широких пространствах между Ливией и Алжиром, Мали и Нигером. Воспользовавшись протекцией двух первых стран, они лишились поддержки двух последних. Вследствие этого еще с 1960-х годов они не прекращали спрашивать, почему их землями управляют Мали и Нигер. Вполне логично, что они решили добиться удовлетворения своих требований к Мали. Национальное движение за освобождение «Азавада» (MNLA) захватило власть почти во всем Северном Мали, где и жило. Небольшая группка исламистов-туарегов, тренировавшаяся в Саудовской Аравии, – «Ансар Дин», связанная с AQMI («Аль-Каида» в странах ислам-

ского Магриба), воспользовалась этим, чтобы установить в нескольких местностях законы шариата.

21 марта 2012 года в Мали произошел удивительный государственный переворот. Загадочный «Комитет за обновление демократии и восстановление государства» (CNRDRE) сверг президента Амаду Тумани Туре и заявил о желании восстановить малийскую власть на севере страны. В результате возникло замешательство: путчисты оказались неспособными объяснить, чем их акция может улучшить положение. Его свержение выглядело тем более странно, что президентские выборы предполагалось провести через пять недель и низложенный президент в них не участвовал. CNRDRE состоял из офицеров, набранных в США. Он сорвал проведение выборов и передал власть одному из кандидатов, – франкофилу Дионкунде Траоре. Сей ловкий фокус был легализован Экономическим сообществом за развитие африканских стран (CEDEAO), чьим председателем был не кто иной как Аласан Каттара, – его за год до этого привели к власти французские войска в Республике Берег Слоновой Кости.

Государственный переворот усилил этническое размежевание страны. Элитные отряды малийской армии (подготовленные в США) под командованием туарегов примкнули к подгруппировкам и – напали на город Конна. CNRDRE покинул территории туарегов, чтобы и на юге Мали утвердить власть исламских законов. Переходный президент Дионкунда Траоре издал декрет, в котором просил помощи у Франции. Париж вмешался буквально спустя несколько часов, не дав взять столицу, город Бамако. Он предусмотрительно предложил Мали бойцов Первого пехотно-десантного морского полка («колониальных войск») и 13-й Десантно-драгунский полк, вертолеты COS, три «Миража 2000 D», два «Миража F-1», три C-135, один C-130 «Геркулес» и один C-160 «Трансалл».

Эта удачно проведенная операция называла врагом «Аль-Каиду», хотя на деле речь шла о борьбе против независимости туарегов. Да, все ту же «Аль-Каиду», которая «делала полезное дело» в Сирии и организовывала Свободную сирийскую армию, поддерживаемую Францией. Елисейский дворец в ужасе приказал французской армии остановить свое продвижение в Мали так, чтобы дать катарским военным советникам джихадистов возможность отступить. Доха порвала привилегированные отношения с Францией, а в это время США на поле боя организовала манифестации, где горланила песню: «Французы сволочи. Наша нация [исламистская] победит!»

Франсуа Олланд попытался исправить собственную глупость и хоть как-то примириться со своим благодетелем, эмиром Аль-Тхани. В последний момент он спешно отправился в Доху, где был принят очень прохладно. Однако освободившееся место быстро заняли Саудовская Аравия и Турция.

«Красная линия»

В мае 2013 года НАТО разослало своим членам рапорт: в нем сообщалось, что президента аль-Асада поддерживает около 70 % населения Сирии. 20 % на стороне повстанцев, а еще 10 % не определились. Париж и Анкара сделали вывод, что победить можно, лишь вернувшись к первоначальному плану, то есть Сирию нужно бомбить. И взять инициативу в свои руки, чтобы надавить на Вашингтон.

21 августа химической атакой были убиты и ранены сирийские гражданские лица в пригороде Дамаска – городе Гута, находящемся под контролем джихадистов. В последовавшие за этим часы была запущена мощная информационная машина, обвинившая в случившемся Сирийскую арабскую республику. Подобная акция могла означать переход «красной линии», обозначенной президентом Обамой, после которого западные страны могли бы «наказать» режим, сбросив на столицу бомбы. Сирийское правительство опровергало любую свою причастность и напомнило, что 23 мая турецкая полиция, арестовавшая в Адане 11 джихадистов, нашла у них значительные запасы газа зарин. Сириец по национальности

– только глава группы, Хитам Кассар, остальные – турки. Кроме того, свободная сирийская армия сама распространяла видеокadres своей маленькой лаборатории по производству химического оружия, сопровождая их угрозами отравить алавитов.

Произошедшее в Гуте получило подтверждение: спецслужбы США заявили, что якобы видели – не вмешавшись, – как за четыре дня до этого сирийская арабская армия готовила газ. Видеокadres были распространены оппозицией, но на одном фрагменте YouTube указывает время (калифорнийское) до восхода солнца в Дамаске, тогда как сюжет снят при ярком дневном освещении. Среди жертв или дети (все одинакового возраста), или мужчины; только две женщины из насчитанных Соединенными Штатами 1429 жертв. Убитые дети в действительности оказались алавитами, похищенными джихадистами за несколько недель до этого. Франция и Соединенное Королевство, хотя и не присутствовавшие в стране официально, уверили, что успели взять образцы ДНК на месте и провести анализ. Они утверждали, что был применен газ зарин. Тут есть одна загвоздка: единственный известный на сегодня тест предполагает исследование сроком не менее десяти дней.

По информации французской и британской разведок, использование химического оружия сирийской армией подтверждалось перехватом телефонных разговоров офицеров. Однако выяснилось, что беседы были перехвачены израильтянами. Тут французская разведка немедленно дала задний ход. «Обобщающую записку», которую распространило министерство обороны, составила вовсе не она. Ее автор – имеющий двойное гражданство франко-израильский советник министра Саша Мандель.

В сущности, остается непонятным, почему «красной линией» должно считаться применение химического оружия. Чем оно хуже других «военных средств массового уничтожения»? Почему Соединенные Штаты, подписавшие Конвенцию о запрещении химического оружия, обвиняют в его применении Сирию, которая ее не подписывала, при том что сами же растоптали собственную подпись в 2003 году в пальмовой роще Багдада?

Химическое оружие возникло в Первую мировую войну и в самом деле оказалось тогда ошеломляюще смертоносным. Однако страны быстро нашли средства противодействия, так что никто уже не применял его в значительных количествах в боях Второй мировой. Из стран Ближнего Востока Конвенцию отказался подписывать Израиль, его примеру последовали Египет и Сирия. С 1985 по 1994 год Израиль финансировал исследования в Южной Африке, где разрабатывалось оружие, способное различать расовые характеристики объектов. Иными словами, токсичные вещества такого рода уничтожали бы только негров и арабов, а для еврейского народа были бы безопасны. Исследования проводились под управлением кардиолога президента Петера Боты, полковника Ваутера Бассона. Насколько эти исследования успешны, так и осталось неизвестным, хотя с научной точки зрения они кажутся невероятными. В ходе таких опытов погибло множество людей, – их использовали как подопытных кроликов.

Британские спецслужбы, немедленно доложившие об этом наверх, предостерегли премьер-министра Дэвида Кэмерона от операции под чуждыми знаменами. По сирийскому телевидению показали видео с шофером джихадистов. Он утверждал, что был переброшен в Турцию и получил токсичные снаряды в турецкой казарме, после чего тайно перевез их в Дамаск.

Сирийский президент Башар аль-Асад так ответил российскому телевидению: «Заявления американских, западноевропейских и прочих политиков содержат оскорбление в прямом смысле и полны презрения к общественному мнению их народов. Это бессмыслица: сперва бросить обвинение, а уж потом собирать доказательства. (...) Обвинения такого рода исключительно политические, и связаны они с рядом побед правительственных сил над террористами».

А вот Франсуа Олланд кричал направо и налево, что он-де знает нечто такое, что позволяет ему «ударить» по Дамаску. Этим он продолжал линию партии колонизаторов, которая в мае 1945 и ноябре 1946 годов, когда у власти было временное правительство Шарля де Голля и правительство Жоржа Бидо, по собственной инициативе бомбила Сетиф, Гельму и Херрату (Алжир), затем Дамаск (Сирия), и наконец, Хайфон (Индокитай, Вьетнам). Войскам пришлось уйти сразу после обретения независимости – и как раз тогда армия генерала Фернана Олива атаковала Дамаск с единственной целью – выместить досаду. Она разрушила часть тысячелетнего восточного базара (так же, как ныне это содеяно в Алеппо) и Национальную ассамблею – символ отвергаемой ими новой республики.

Германия оказалась первой страной, заметившей, что даже если Сирия и использовала химическое оружие, с точки зрения международного права ее бомбардировка была бы незаконной без одобрения Совета Безопасности. Британцы и американцы окончательно убедились, что все это было состряпано Турцией при поддержке Франции и Израиля.

В Лондоне палата общин запретила премьер-министру атаковать Дамаск прежде, чем ответственность правительства Башара аль-Асада будет установлена окончательно. Депутаты, многие из которых знали степень вовлеченности их страны в действия против Сирии, напомнили о чувстве вины, пережитом Королевством после войны с Ираком в 2003-м, связанной на основании лживых обвинений Джорджа Буша и Тони Блэра. Барак Обама в Вашингтоне полагался на конгресс, который, как известно, противится любой новой военной авантюре. Речь, конечно, шла лишь об отсрочивающем маневре – «Закон об ответственности Сирии» от 2003 года давал ему все права на разрушение Сирии.

Слишком громко и поспешно выступивший Франсуа Олланд остался на арене в одиночестве. Бессильный, он укрылся в Елисейском дворце, а в это время международное доверие к слову Франции было подорвано окончательно. Никто не призывал к ответу Турцию – и уж конечно, не Анн Ловержон, не Александр Адлер, Иоахим Биттерлих, Элен Конвэй-Муро, Жан-Франсуа Копе, Анри де Кастрис, Огюстен де Романе, Лоранс Дюмон, Клод Фишер, Стефан Фукс, Бернар Гетта, Элизабет Гижу, Юбер Хенель, Жан-Пьер Жуэ, Ален Жюппе, Пьер Леллуш, Тьерри Мариани, Жерар Местралле, Тьерри де Монбриан, Пьер Московичи, Филипп Петиколлен, Ален Ришар, Мишель Рокар, Даниэль Рондо, Бернар Сулаж, Катрин Таска, Дени Верре и Вилфрид Верштраат (*государственные и политические деятели, председатели правления крупных французских компаний, журналисты*. – Прим. ред.), – все они получили «подарки» от турецких предпринимателей от имени Реджепа Тайипа Эрдогана.

Россия помогла Соединенным Штатам выйти из кризиса с гордо поднятой головой. Русские предложили Сирии подписать Конвенцию о запрещении химического оружия, и она неожиданно так и сделала. Президент Башар аль-Асад договорился с Международной организацией гражданской авиации о способах уничтожения существующих запасов, но расходы должны были быть оплачены Вашингтоном.

Впоследствии американский журналист Сеймур М. Херш рассказал всему миру, сколько было в этом вопросе сомнений у его страны. Затем профессора Ричард Ллойд и Теодор Постол из Технологического института в Массачусетсе доказали, что химические снаряды были взорваны над Дамаском в зоне «повстанцев». Теперь одна только Франция настаивала на своих обвинениях в адрес Сирийской арабской республики. «Кто хочет утопить свою собаку, тот обвиняет ее в злобности», – говаривают во французских деревнях.

В нерешительности

Закрыв посольство, отозвав весь персонал и частично вернув обратно спецназ после операции в Мали в начале 2013 года, осужденный Вашингтоном Париж уже не имел ни средств, ни плана действий на месте.

Не очень-то понимая, что ему делать, Франсуа Олланд обратился к своему вечному союзнику Тель-Авиву, который ввел его в заблуждение, сообщив об ответственности сирийцев за нападение на Гуту под чужими знаменами. Здесь необходимо сделать маленькое отступление – речь пойдет о том, как Олланд помогал колонизации Палестины, когда был первым секретарем Социалистической партии:

- в 2000 году, когда был оккупирован юг Ливана, он вместе с будущим мэром Парижа Бертраном Деланоз готовил визит премьер-министра Лионеля Жоспена в Палестину. Его деятельность предполагала осуждение Сопротивления оккупации, которое он приравнял к терроризму;

- в 2001 году он потребовал выхода из Социалистической партии геополитика Паскаля Бонифаса, виновного в том, что он во внутреннем докладе раскритиковал слепую поддержку Социалистической партией Израиля;

- в 2004 году он в письме Высшему совету по аудиовизуальным средствам подверг сомнению разрешение вещать, данное «Аль-Манар» – телеканалу «Хезболлы». Он прекратил давление только тогда, когда будет подвергнут цензуре телеканал Сопротивления;

- в 2005 году он будет принят (при закрытых дверях) Представительным советом еврейских учреждений Франции (CRIF). Согласно отчету о собрании, он якобы выражал поддержку Ариэлю Шарону и горячо критиковал голлистскую политику на арабском направлении. Он якобы заявил: «Существует давняя тенденция, которую называют арабской политикой Франции, и правительству недопустимо поддаваться идеологии. Проблема в наборе кадров на набережную д'Орсе и в Национальную школу управления; принципы отбора кадров должны быть изменены». Этим он явно грешил против истины – ибо «арабская политика Франции» не политика в пользу арабов против израильтян, а политика внутри самого арабского мира;

- в 2006 году он выступил против президента Ахмадинежада, который пригласил в Тегеран раввинов и историков, в том числе придерживающихся противоположных взглядов. Он сделал вид, что не понимает смысла этой встречи, призванной показать, что европейцы давно подменили свою христианскую культуру обожествлением холокоста. Все наоборот, объяснял он, иранский президент не хочет признавать прав израильтян на существование и готов продолжить холокост;

- он предпринял все для освобождения израильского солдата Гилада Шалита, пленника «Хамас», под тем предлогом, что у того двойное франко-израильское гражданство. То, что парень был арестован, когда служил в оккупационной армии и воевал с палестинскими властями, – тоже союзниками Франции, – для него значения не имело;

- в 2010 вместе с Бертраном Деланоз и Бернаром-Анри Леви он организовал в газете «Монд» выступление против бойкота израильских товаров. По его утверждению, бойкот стал бы наказанием коллективным, наложенным и на тех израильтян, кто готов заключить мир с палестинцами. Он не высказывал никаких подобных соображений во время похожей кампании против апартеида в Южной Африке.

По прибытии в аэропорт Тель-Авива он заявил на иврите: «Тамид эша-эр равер шель Израэль», то есть «Я ваш друг и всегда им останусь».

Премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху увидел, что Соединенные Штаты и Соединенное Королевство устранились от военных операций, хотя это ничуть не мешает ЦРУ и МИ-6 продолжать тайную войну. Он предложил создать союз тех, кто хочет продолжать открытую войну вплоть до свержения Сирийской арабской республики: Саудовской Аравии, Франции, Катара и Турции. Ливан и Иордания должны были продолжать оказывать материально-техническую поддержку, напрямую не участвуя в военных действиях. Вашингтон больше светиться не хотел, и всей операцией должен был управлять Джеффри Фельтман из штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Действовать надо было быстро. Над Вашингто-

ном и правда сгустились тучи. Сторонники нападения на Сирию были отстранены от дел. 8 ноября генерал Дэвид Петреус вынужден был сложить с себя полномочия директора ЦРУ, а в это время Хиллари Клинтон – она, оказывается, «жертва несчастного случая» – на месяц исчезла с экранов.

Джеффри Д. Фельтман, «человек-оркестр» «Арабских весен» и к тому же близкий друг Нетаньяху, уже больше года – директор Политического управления ООН. Он поручил составить план полной и безоговорочной капитуляции Сирии, предложенный Фолькером Пертесом, директором Stifting Wissenschaft und politik (SWP) и самым мощным европейским «мозговым штурмовиком». Тот, кроме всего прочего, взял в разработку направление Северной Африки и Ближнего Востока Службой внешних сношений Евросоюза. Представитель Евросоюза Кэтрин Эштон повторяла за ним все как попугай. Фельтман во второй раз поручил Саудовской Аравии подготовить в Иордании армию численностью в 50 000 человек. Параллельно он приступил к реорганизации джихадистских группировок. Наконец, по указаниям из Белого дома, организовывал переговоры «Женева-2».

Беньямин Нетаньяху придумал альянс втроем: Франция защищает интересы Израиля и Саудовской Аравии на международной арене, а взамен получает гигантские контракты, инвестиции и взятки. Речь шла о срыве переговоров между Соединенными Штатами и Ираном, чтобы поддержать монополию генеральной линии Тель-Авив-Эр-Рияд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.